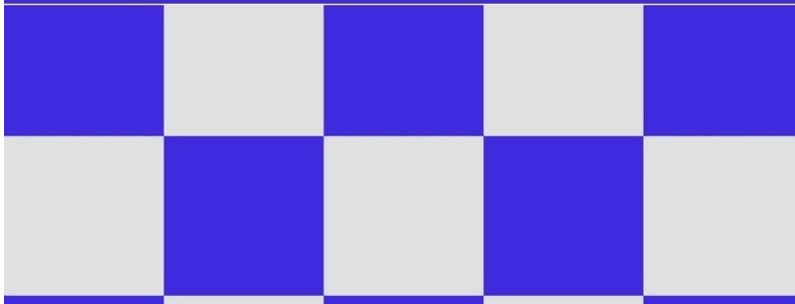

Татьяна Мануковская

*Школьные
тайны
и геометрия
первой любви*

Американские приключения русской
учительницы

Татьяна Мануковская
Школьные тайны
и геометрия первой любви.
Американские приключения
русской учительницы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20583805
ISBN 9785447498689

Аннотация

Очередной год работы в американских школах и колледже оказывается полным тайн, приключений, опасных расследований и очень смешных историй: побег из пещеры Люцифера, чудесное спасение из ледового плена, расследование преступной деятельности мексиканского картеля, встреча с героями другой цивилизации и Звёздных войн... И много любви.

Содержание

Глава 1. Приговор, сумерки разума и другая реальность	5
Глава 2. Розовый закат на чёрном озере, живой покойник и подвал ужасов	15
Глава 3. Встреча цивилизаций и полёты перед доской	30
Глава 4. Русская подводная лодка, призраки в яме и весёлая ночь в больнице	41
Глава 5. Шесть глаз, три рояльных ноги и пожизненный приговор	63
Глава 6. Верблюд – внедорожник, недетская война и выжить вопреки	75
Глава 7. Счастье на колёсах, засада для старосты и вечеринка трёх сюрпризов	86
Глава 8. Четвёртый лепесток, парашют любви и мистер очарование	98
Глава 9. Сюрприз №2, трусы в полосочку и торт из Канады	107
Глава 10. Тайна трёх, слезливая машина и магазинный переполох	124
Глава 11. Ночь кукарачей, ползучие колбаски и странности любви	144
Конец ознакомительного фрагмента.	164

**Школьные тайны
и геометрия первой любви
Американские
приключения
русской учительницы
Татьяна Мануковская**

© Татьяна Мануковская, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Приговор, сумерки разума и другая реальность

Ослепительно яркий, несмотря на октябрьский день, желток Калифорнийского солнца упрямо растекался по раскалённой сковороде высохшего, скучавшего по дождю, неба. Дождь не навещал его два с половиной года. Было только девять часов утра, но машины, крыши и очень редкие пешеходы уже молили светило о пощаде. И только верные стражи Окружного Суда: Холодный Закон и Скучный Порядок не давали упрямому солнцу ни малейшего шанса согреть зал заседаний и пошутить с теми, кто там находился.

Судья – невысокая, с усталым потухшим взглядом дама – зачитывала приговор сухо и отрывисто. Но до Винсии доносились только обрывки фраз:

– Направить ученицу двенадцатого...

– «Розового Заката»

– Ламентия Суавес будет находиться...

Два крепких мужчины быстро подошли к Ламентии. Её испуганные глаза заметались по залу. Зал затих. Взгляд де-вушки нашёл того, кого искал, и стал по-детски жалобным и обиженным:

– А как же **наш приговор**? Меня уводят... А ты молчишь...

Дверь за ней закрылась.

Винсия плакала. Тихо и беззвучно. В ней плакало всё: сжавшиеся в комок мускулы, ставшее маленьким сердце, бесполезные, в своей беспомощности удержатъ, руки. Яркие зелёные глаза как будто провалились так глубоко в глазницы, что она чувствовала их затылком. И там, где она их чувствовала, было особенно больно.

В следующую минуту тихо открылась входная дверь. На пороге комнаты заседаний стояла тоненькая девушка. Из-под неяркого мусульманского платка на Винсию смотрели тёплые, всё понимающие, всех прощающие, терпеливо любящие глаза Саняят.

– Я опоздала?! – выдохнула она с такой печалью, что немногочисленная публика в зале замерла. Все склонили головы и отвели глаза. Только Винсия бросилась к подруге, на ходу заметив, что вслед на Саняят в зал мягко, но с удивительным достоинством, вошла её мама.

– Слушай, – жарко и горячечно зашептала Винсия. – Я прямо чувствую, что Ламентия докопалась до какой-то тайны. Она что-то скрывала в последнее время. И эти её ночные исчезновения...

– Я тоже об этом думаю, – поддержала подругу Саняят. – Эта тайна, мне кажется, как-то связана с её братом.

– Он – страшно неприятный человек.

– А мне он иногда кажется **просто страшным**, – не согласилась Саняят с Винсией.

– Так и я о том же. И ноги у этой тайны растут из Мексики. Я в этом почти уверена.

– А ещё это как-то связано с отцом Ламентии. Не зря же и мать, и брат сделали всё, чтобы она не узнала, кто он.

– А вдруг Ламентия на банду какую-нибудь вышла?! Или на настоящую мафию! Она ведь рискованная. Да ещё все эти любовные неудачи. От безнадёжности люди иногда...

– Либо подвиги, либо глупости совершают, – поспешила закончить разговор Санянт, видя, как к ним уверенной походкой приближается её мама.

Она щедро обняла девочек, ласково, но уверенно повторяя:

– Чшшш... Чшшш... Всё обойдётся. Верьте мне. Мы ведь вместе, да? А, значит, мы всё решим. А сейчас пойдёмте. Я вас отвезу к нам домой. Отдохнём и обдумаем, что можно сделать.

Когда я «влетела» в приёмную здания суда, из зала заседаний уже выходили последние присутствовавшие. Я поискала глазами Винсию. Её нигде не было. Не было и третьей закадычной подружки – Санянт. А про Ламентию я всё поняла, увидев отъезжающую от здания суда служебную, с решётчатыми окнами машину.

Я стояла, опустив плечи. Вот так стоять и страдать, может, и было уместно, но помочь это не могло никому. Не сейчас.

Бывают такие моменты в нашей жизни, с которыми надо тихо и мудро смириться. Смирение уменьшает, а ино-

гда и побеждает сопротивление. И когда сопротивление тает в волне кротости и принятия, на его место тихо и решительно просачивается мудрость. А вместе с ней к нам приходят понимание и верное решение.

Все эти мысли пронеслись в моей голове за секунду.

В следующее мгновение я была в своей машине. Меня ожидал напряжённый рабочий день. Опять новая школа, новые коллеги, новые ученики. Я не могла себе позволить затащить старые проблемы в эту новую «реальность». Тем более, что она, эта реальность, обещала быть из разряда «невообразимых» и даже «фантастических».

Так, во всяком случае, мне было сказано в отделе образования. Когда я вошла в кабинет начальницы, она, поздоровавшись, отвела глаза в сторону.

– Миссис Ти! Мы хотим попросить Вас вести Новейшую Историю в школе Золотой Роши.

– В каком классе?

– В одиннадцатом. Но хочу Вас предупредить: ничему не удивляйтесь. Там вы можете столкнуться... Как бы помягче выразиться... С другой реальностью... С фантастическими героями и... Дама замолчала и даже слегка покраснела.

– А если удивлюсь? Я же всё-таки человек. Да, притом, из России. У меня обычно всё на лице написано. Видимо, практики по политкорректности не хватает.

– А мне говорили, что Вы – профессионал, – разочарованно протянула начальница.

– Спасибо, конечно, на добром слове. Но, наверное, те, кто меня рекомендовал, преувеличили.

– Но смогли же Вы научить читать по-английски мексиканских детей! Да ещё и на матрацах не разрешили им валяться. Мы все были приятно удивлены.

– Может быть, у меня единственный взрыв педагогической фантазии тогда случился! А в этот раз Вы же не просите меня применить нестандартные методы обучения. Вы **просите не удивляться**.

– Не набивайте себе цену, миссис Ти! Вы, как никто, прекрасно знаете, что такое «непробиваемый учительский апломб». Вот и спрячьте за ним свои эмоции!

– Хорошо. Предположим, эмоции похоронила. Ненужные. А преподавать в этом классе получится? Я потому спрашиваю, что чувствую здесь какой-то подвох. Вы что-то не договариваете. Какой-то секрет храните за **своим** профессиональным апломбом.

– И откуда такие выводы?

– Да всё очень просто. Если бы вам был нужен просто ничему не удивляющийся преподаватель, вы бы пригласили американца или американку. В жизни не видела более «без – эмоциональных» и правильно запрограммированных учителей. Но вам зачем-то потребовалась русская голова и русская академическая школа.

– Всего я Вам объяснить не могу, да и не собираюсь. А учить и заинтересовать детей в этом классе действительно

очень желательно.

– Ну а если не получится заинтересовать их историей? Да ещё в моём изложении?

– Примените инновационные методики. Рассказывайте, что угодно, лишь бы было интересно. Только не идите у них на поводу.

– И всё-таки, почему я? У вас столько опытных преподавателей американцев. А я человек другой культуры, другой ментальности. Да у меня и «психотип» (не в том смысле, что я типа «псих», а в смысле психологических подходов к учащимся) другой.

– Так вот именно поэтому директор школы, миссис Вия, попросила назначить в этот класс Вас, миссис Ти. Во-первых, она из Латвии и верит в российскую методику обучения. Во-вторых, в этом классе учатся её дети (в этом месте начальница покраснела, опять опустила глаза и откашлялась). Её не совсем простые дети...

Вернее, её совсем непростые дети... Вернее...

Тут начальница промыла свою словесную шелуху стаканом воды, твёрдо на меня посмотрела и скомандовала:

– Приступайте завтра! Проблемы будем решать по мере поступления. Но лучше бы, чтобы их не было.

И она подтолкнула меня к двери, чтобы я не успела открыть рот.

Вот в эту Золотую Рощу я сейчас и направлялась. Одна мысль меня согревала: Хорошо, что это школа Рощи. Всё-

таки не Чаща. Из Чащи можно и не выбраться. А в Роще всегда можно найти лучик света и солнечную полянку.

Шёл третий год моего пребывания в Калифорнии. Я была уверена, что каждый год должен бы считаться за два. Как для тех, кто работает в России на Севере.

Одно вождение выматывало так, как ни один самый пакостливый «Вовочка с последней парты» не исхитрился бы этого сделать. Конечно, это была **моя** проблема, но проще от этого она не становилась. Каждый раз, беря себя в руки в тот момент, когда руки брались за руль машины, я почти с нежностью вспоминала наши потрёпанные российские автобусы, лениво ползущие трамваи и даже бесшабашные уродливые маршрутки. В тех местах золотого штата, где я жила и работала, ничего из перечисленного просто не было. Была, зато, очень меткая поговорка: «You drive or you die». Либо води машину, либо помирай. Конечно, когда до ближайшей булочной – не меньше двадцати километров, а большинство дорог не манили пройтись по их тротуарам потому, что их, то есть тротуаров, просто не было, о «свободе выбора» транспортного средства и не мечталось. Демократии было много. Выбора – мало.

Я научилась совмещать обе части поговорки, выкинув из неё союз «либо», и заменив его на «и». Я **водила** машину и каждый раз чуть-чуть **умирала** от страха и напряжения.

Да и «культурный шок» был всегда со мной. А, может, это я была с ним. Но мы жили и работали вместе.

Занятая этими размышлениями, я и не заметила, как подъехала к школьной ограде и стала вспоминать свою встречу с директрисой Вией.

Я вошла в её кабинет, набросив на рот дежурную улыбку и размягчив все вредные и непокорные мысли, которые обычно набрасываются на меня перед встречей с начальством. Иначе говоря, я вошла этакой счастливой овечкой, отключив механизм критического мышления. То, что его надо выключать перед всеми «рабочими интервью», я поняла далеко не сразу. И первые двенадцать из них я с треском провалила.

Но стоило мне начать работу и в начале каждого семестра подписывать инструкцию, где языком для «простейших» перечислялось, что мне **надо** делать, что **можно** и что **нельзя**, – как я поняла все свои ошибки на собеседованиях. Потому что каждая инструкция заканчивалась фразой: **«Развитие критического мышления у школьников запрещается».**

– Господи, да как же легко, оказывается, научить всех граждан чувствовать себя счастливыми, – в великом озарении подумала я. И с тех пор тренировалась ежедневно: включаю критический взгляд, выключаю. Включаю, выключаю.

Естественно, перед тем, как предстать перед боссами, я моё «тоталитарно критическое (как у большинства русских) мышление» «вырубала» как свет за неуплату. Сумерки разума делали меня гораздо сговорчивей.

Каково же было моё потрясение, когда директриса Вия встретила меня словами:

– Надеюсь, миссис Ти, Вы не разучились развивать критическое мышление у своих учащихся? И питаю надежду, что Вы не растеряли способности вовлекать студентов в групповые дискуссии и поиски альтернативных ответов.

Высокая белокурая дама сказала всё это на ломанном русско-латышском языке. Сказала уверенно и твёрдо. Но, взглянув ей прямо в глаза, я замерла от неловкости.

Большие голубые глаза не могли спрятать глубокую печаль ни за напускной холодностью, ни, за напускным же, безразличием.

Миссис Вия, между тем, продолжила, но очень кратко.

– Вы будете вести Историю в одиннадцатом классе. Новейший, послевоенный период.

Мы верим в ваше образование, доверяем методике и надеемся на взаимно – обогащающее сотрудничество.

Это говорилось уже на английском с приятным латышским акцентом.

В тот раз я отказалась от предложенной должности. По ряду причин: школа была очень далеко от меня, я готовилась начать работу в колледже и только что записалась на курс Мировой Истории профессора Вебстера, который прибыл к нам всего на пол – года из Шотландии. Мне показалось, что я сказала «Спасибо, нет» очень твёрдо и однозначно. Но, как оказалось, моё «Нет» означало «Нет» только для меня.

Пришлось смириться.

Встряхнув все эти мысли в нужном отделе головы, я их отключила, включила «Позитивный настрой» и «Я сделаю это!» и направилась в кампус. Я быстро нашла кабинет истории, встала за дверь и прислушалась. То, что я могла уловить правым ухом, меня насторожило. Когда, загнув оба уха в форме локаторов, я буквально прилипла к двери и прислушалась получше, я испугалась. То, что я слышала, не было ни криками, ни громкими ударами. Всё было намного хуже.

Глава 2. Розовый закат на чёрном озере, живой покойник и подвал ужасов

Вечеринка по случаю Хэллоуина была в разгаре. Впервые им разрешили праздновать этот не всеми любимый праздник по-взрослому: без родителей, на заброшенной даче Сэма. Сама дача и её расположение придавали особый, тревожный привкус «неправедному сборищу чёрной силы», как называли этот праздник сами празднующие. Все они были учениками выпускного, двенадцатого класса лучшей школы в округе с поэтичным названием «Школа Розового Заката».

Дача, скрипевшая и стонущая старыми балками от каждого порыва злого, нетипичного для Калифорнии ветра, возвышалась довольно уродливой пирамидой на берегу «Чёрного озера». Само озеро славилось тем, что напоминало кальмара, протянувшего кривые щупальца в глубину хоть и небольшого, но дикого лохматого леса.

– Эй, Сэм, не пора ли нам открыть папин ящик с пивом? – гнусаво протянул Боб. – Мы же знаем, что он всегда прячет пару ящичков в подвале.

Девочки затарахтели все разом, возражая.

– Сэм, ты же бойскаут! Бойскауты не пьют!

– И это не наше пиво!

– И, вообще, пора в страшилки играть.

– Так вот и поиграем! Кто пойдёт в чёрный, чёрный подвал по очень старой и гнилой лестнице? – не сдавался Боб.

– Ты и иди! – закричал Призрак с огромными ушами и сверкнул Очками Ужаса с батарейками. При каждом резком движении головы батарейки включались, и глаза сверкали противным, иногда просто мерзостным, чёрно-болотным светом.

В этот момент Сэм что-то разглядел в окне и истошно закричал:

– Покойник! Там... На дереве...

Самая крупная и невозмутимая девочка презрительно хмыкнула и подошла ближе к оконному стеклу.

О май год!!! Oh, my God, oh my God!! – завопила она. – Он открывает рот! Он дёргается и открывает рот!!! Девушка закрыла глаза руками и села на пол.

Староста класса, всегда прямой и негибачаемый Джесс, решил взять ситуацию в свои руки.

– Сэм и Боб, идите за мной! Накиньте накидки или плащи, дождь пошёл!

Это было невероятно! После двух лет засухи косой, путающийся в фалдах ветра мощный ливень, решил, видимо, подыграть всем любителям нечистой силы и превратил окрестности в декорации фильма «Всемирный потоп. Пробуждение водной стихии».

Внезапно стало тихо. Все в растерянности оглядывались

по сторонам, ища Фанки. Фанки был мастером на розыгрыши (не всегда безобидные) и на всякие невероятные переодевания. Он так в этом преуспел, что однажды учитель религии чуть не поверил в раздвоение собственной личности, зайдя в класс и столкнувшись нос к носу с самим собой, стоящим у доски и торжественно поющим псалом «К радости». После этого Фанки долго не ходил в школу, откуда его исключили на целый месяц, но исправно ходил в местный центр Коррекции Умственного Здоровья, куда добровольно поместил себя учитель религии. Фанки, несмотря на истеричные протесты учителя, считал своим долгом навещать его.

Джесс в сопровождении друзей выбежал на улицу, остановился и прислушался. Со стороны леса действительно неслись сдавленные, слабые стоны. Иногда они переходили в душу холодящие хрипы.

Ребята подкрались к дереву, с которого что-то свисало, и тут же в ужасе остановились: под деревом лежал ещё один покойник. Бледный, начинавший синеть двойник Фанки.

Джесс призвал всю свою бойскаутскую силу воли и дотронулся до ног свисающего человека. Ноги дёрнулись.

– Сэм, лезь на дерево! Боб, принеси нож, пилу и нашатырный спирт! – чётко отдавал команды староста.

Сам он подставил крепкие плечи под ноги свисающего человека, чтобы ослабить силу тяжести и натяжение верёвки. Через несколько минут настоящий, но полуживой Фанки, лежал на сырой земле и пробовал открыть глаза. Рядом валял-

ся его Хэллоувинский двойник-покойник.

Что произошло, стало ясно только спустя полчаса. Именно столько понадобилось Фанки Шутнику, чтобы придти в себя и начать говорить.

Будучи «пофигистом», когда дело касалось учёбы, Фанки был абсолютным перфекционистом, как только речь заходила о «приколах» и розыгрышах. В эту чёрную ночь, на берегу Чёрного озера, набухавшего чёрными дождевыми и грязевыми потоками, он решил разыграть всех по-чёрному. Целый месяц Фанки изготавливал себя самого, только тряпичного (не без помощи мамы, от которой он и набрался этой страсти к пугалкам), чтобы устроить «Чёрную Вечеринку Века». Он незаметно вышел из комнаты и направился к ближайшему от окна дереву, под которым его ждал приготовленный заранее табурет, и, не спеша, приступил к выполнению плана.

Будучи, как уже отмечалось, перфекционистом, он добивался абсолютной правдивости создаваемых образов. Чтобы понять, как «правильно», то есть естественно, должен свисать труп с дерева, он решил поупражняться на себе.

– Я влез на табурет, обернул петлю вокруг шеи, запомнил, на какое место какой ветки надо будет повесить «себя», и стал готовиться к спуску на землю.

Но Фанки не подумал о том, во что превратится пластмассовый табурет под таким сильным дождём. Нога соскользнула с мокрого сиденья, – и он повис. Повис, действительно,

очень натурально и естественно. Чем бы всё кончилось, если бы не взгляд Сэма в окно, ребята решили не думать. Зато все дружно согласились открыть коробку пива в подвале.

Возражали только две девочки. Серьёзная, разумная, рассудительная Софья и её лучшая подруга: взбалмошная, необыкновенно живая, всегда всем сочувствующая хохотушка Тришка. Так все называли её с первого класса, начисто забыв красивое, но слишком длинное для «эсэсмэсок» имя Патриция.

– Мы вообще не должны были устраивать эту вечеринку сегодня! – решительно и громко сказала Софья.

– Вот иименна, – тихо поддержала подругу Тришка. Она всегда тянула гласные, которые ей нравились, и не утруждала свой пухленький ротик правильным произношением последних звуков.

– Это ещё почему?! – взвопил, вытянув толстую шею с красным следом от верёвки, всё ещё иссиня – бледный Фанки.

– Потому что сегодня случилось несчастье с Ламентией. Когда нашему товарищу так плохо, мы не должны что-то там праздновать, – уверенная в своей правоте Софья говорила, как их нелюбимый учитель физики: повелительно и с выражением превосходства на слишком красивом для отличницы лице.

– Да кто вообще круглых отличников будет слушать? – встал на сторону друга Сэм.

– И, вообще... Ламентия сама во всём виновата, – вступил в разговор староста Джесс.

Джесс был из тех, из кого «прорастают» правильные республиканцы, будущие губернаторы и члены конгресса: всегда в отлично сидящем на нём костюме с умно подобранной, застёгнутой на все пуговицы, рубашкой в элегантную мелкую полоску, которую оттенял строгий, в меру яркий, галстук. Всегда счастливый и позитивный староста умудрился даже на «нечестивую» вечеринку придумать «благочестивый» костюм. Он облачился в тогу судьи и намеревался выносить Высший Приговор всяким несправедным недоумкам, вроде Слепой Летучей Мыши или, свихнувшемуся от безделья, Призраку Печали. Какие печали могут быть у здорового молодого человека в великой, счастливой Америке?

– Ламентия никогда не отличалась сдержанностью. Так что я считаю, что общение с хорошим психиатром пойдёт ей на пользу, – не без удовольствия огласил свой «приговор» Джесс.

– Ты что, вееришь её брату?! – не без злости протянула Тришка. – Да он самовлюблённый, избаалованный, нааглый лгун!

– Если бы только лгун – резко вступила в спор Софья. – Я уверена, что он замешан в преступном бизнесе. И не в одном. Как может не очень образованный, почти неработающий, «красавчик» из Мексики позволить себе ездить на Инфинити последней модели и держать в гараже кабриолет?

А как он со всеми разговаривает? Смотрит на тебя, как будто монетами осыпает и ждёт нижайшего за то поклона.

– А глаза? Вы сматреели в его глаза?! Нет! Не сматреели! Потому что он их отводит. Пошныыркает ими туда-сюда, и тут же устаавится в какую-нибудь точку. Он только на тех, кто слабее или млаадше него, смотрит. Причём, всегда сверху вниз. И только на деевочек. С парняами вааобще старается взглядом не встречаааться. Я его боюсь с первой встреечи, когда он пришёл за Ламентией в школу, а она не хотеела с ним уходить.

– Ладно, брату вы не верите. Ну а камере наблюдения?

– А у тебя дома, в вашей кухне и холле, есть камеры наблюдения?

– Конечно, нет. Что за чушь ты несёшь? – возмутился Джесс, но резко замолк и понял, что попался.

– Вот именно!!! Зачем в бедном доме иммигрантов, где все живут на пособие, кроме, кстати, Ламентии, которая работает с шести лет, нужны камеры наблюдения? Почему ни судья, ни адвокат этого вопроса не задали?

– Это спрашивайте у них. Что касается меня, я своими глазами видел, как на видеозаписи Ламентия несётся с ножом за своей мамашей. И только брат спасает обеих: мать от убийства, а Ламентию от тюрьмы.

– Ой-ёй-ёй! На-сме-шил! Ламентия с маленьким бойскаутским ножиком, пригодным разве что листья с веток очищать, собирается нанести удар в сердце своей мамаше, при-

чём, сзади и находясь в 5 метрах от неё!!!

– Ну, не знаю, – стал сдаваться Джесс. – И вообще, хватит дебатов! Мы же не на факультативе по риторике. Давайте уже пиво пить. Кто пойдёт в подвал?

– Так Фанки и пойдёт, – рывкнул Сэм. – Это же из-за него вся вечеринка рухнула.

Фанки лениво поднялся с дивана, на котором «отходил» от самоповешения, и бодро направился к чёрной, с огромным замком, двери.

– А где ключ? – повернулся он к другу, но тут же понял, что замок был открыт. Он висел на одной скобе и криво ухмылялся беззубым железным ртом. Фанки открыл дверь, которая издала ржавый писк, и исчез в темноте. Ребята молча ждали. Говорить почему-то никому не хотелось.

Когда круглая голова Фанки не появилась из подвала ни через пять, ни через десять минут, Сэм занервничал. Они с Джессом переглянулись, боясь поверить собственной догадке.

– Ты думаешь, нам надо спуститься? – шёпотом спросил Сэм старосту.

– Я думаю, да. Надо быть готовыми к неприятностям покруче, чем покойник на дереве.

– Неужели он на это способен?

– Фанки способен на всё. Даже на то, чтобы всю коробку пива самому оприходовать.

В этот момент из подвала донёсся крик. Кричал, явно,

не Фанки. Голос был абсолютно чужой. Глухой и хриплый. Так мог бы рычать разбуженный среди спячки старый, уставший медведь. Не крик, а жалостливый рык.

В следующую секунду к рыку присоединился резкий, истошный вопль Фанки.

Сэм бросился за ружьём в кладовку, а девочки проявили чудеса храбрости и на цыпочках, прячась за невысокую, но крепкую спину Тришки, направились к входу в чёрную пасть подвала. Женское любопытство лишний раз доказало своё превосходство над мужским здравым смыслом.

Первой заглянула вниз Тришка. Она не закричала, не завопила, а, наоборот, застыла не шелохнувшись. Тришка обернулась к девочкам, положила на губы палец и жестом приказала всем молчать. Снизу теперь тоже не доносилось ни звука. Через пару секунд из подвала раздался треск. Треск мог принадлежать скелету, который решил пройтись или попрыгать, зная, что у него артрит, артроз и хондроз во всех костях и суставах. Это был отчётливый звук дребезжащих, ломающихся или насильно сгибаемых костей. Потом всё затихло. На две долгие секунды. Затем затрещало опять. Только в этот раз скелет решил выбраться из могилы и трещал всеми костями разом. А следом раздались глухие звуки:

– Всё равно мы мёртвые... Не старайтесь... Мы всё равно мёртвые...

На последнем слове «мёртвые» вполне живой Фанки и, мало похожий на скелета, здоровенный мужик показались

на верхней ступеньке. За мужиком тянулась какая-то проволока. На её противоположном конце гроыхало нечто, напоминающее радиоприёмник, который таковым и оказался. Мужик выглядел как старый дворовый пёс, к хвосту которого привязали пустую консервную банку и заставили бегать и развлекать не очень добрых детишек.

Фанки, а за ним и мужик, бросились в поисках убежища. Фанки выбежал на улицу и в панике готов был опять залезть на дерево, которое едва не стало для него виселицей. Мужик оказался поспокойнее и закрылся в туалете. Через минуту он приоткрыл дверь, но, увидев Сэма с ружьём, замуровался возле туалетного бачка намертво.

Джесс и Призрак с Мигающими Глазами приволокли с улицы онемевшего Фанки.

Его опять уложили на продавленный диван и все на него воззрились в немом вопросе:

– Что, чёрт возьми, произошло?

Фанки молчал и вздрагивал. Вздрагивал и опять молчал. Иногда тихонечко скулил.

Всем надоело ждать. Ребята решительно подошли к туалету и Сэм гаркнул:

– Эй, мужик, выходи! Не выйдешь сам, буду стрелять. Ты в мою собственность проник. И полицию вызову.

Бачок в туалете хрюкнул, раздались шаги и дверь открылась.

Перед детьми был типичный бомж: небритый, невымытый,

дурно пахнувший, с проволокой в руке.

– Рассказывай всё! И честно! Как в подвал попал, что там делал и почему орал. Быстро! И подробно!

Бомж оказался безобидным бродяжкой их Детройта. Всю жизнь он работал на заводах Форда, на жизнь хватало, но отложить что-то не удавалось. Когда дети (а их было трое) выросли, продажи американских машин, наоборот, резко упали. Бомжа уволили. Лет ему было немало, и новую работу в разорившемся городе-призраке Детройте никто ему не предлагал. Он решил податься в солнечную Калифорнию. Здесь можно почти весь год спать на улице и питаться тем, что тысячи ресторанов выбрасывали, даже не надкусив.

– А жена? Она где? – спросила Софья. Звучала она строго и осуждающе.

– Дык она сразу от меня того... ушла, то бишь, смылась. Как только я работу потерял.

Гость говорил с таким деревенским, провинциальным акцентом, что девочки разулыбались и смягчили тон «допроса».

– А почему Вы кричали и рычали в подвале? И что Вы там делали? И как вообще здесь оказались?

– Дык я сюдой часто наведываюсь: погреться, пивка попи...

Бедняга не договорил. Услышав про «пивко», Фанки пришёл в себя, скатился с кушетки и бросился к мужику на шею. Обниматься он не собирался, а вот стукнуть его пару раз точ-

но захотел. Но Тришка, которая занималась боксом с шести лет, влепила ему такой боди – апперкот слева, что он тихо вздохнул, присел и затих. Сегодня, явно, был не его день.

– Чего орал-то? Сидел бы себе тихо да пиво попивал.

– Да энтого вашего, ну... энтого, который напротиву меня сидит, испужался. Глядь, а на меня висельник идёт. На шею полоса от верёвки свяркает, рожа синяя, а губы белыя. Тут зарычишь.

Первым согнулся в хохоте Боб. В сильном возбуждении от всей этой истории, он стал дёргать своего друга Призрака за руки, приглашая повеселиться вместе. Голова с Очками Ужаса затряслась, и глаза замигали жутью и грязно-чёрными болотными отблесками. Мужик закрыл голову руками и завыл. В этот раз он подвывал, как койот на неудачной охоте. Хор получился на славу: бомж вопил истошно и тонко, Боб рассыпался фальшивыми гитарными аккордами на три ноты, староста с Сэмом благородно смеялись, стараясь подчеркивать мужественные нотки в своих молодых баритонах, а Призрак катался по полу, издавая те звуки, которые получалось издавать.

И только девочки заливались красивыми влажными трелями, хлюпая носами и вытирая слёзы.

Насмеявшись, дети решили выяснить, что за проволоку тянул за собой «подвальный сиделец». И кто «вещал» о том, что они мёртвые.

Гость оказался бывшим радиотехником. Много лет он

устанавливал навороченные стереосистемы и автомобильные телевизоры в машины требовательных клиентов на заводах Форда. Короче говоря, занимался радио и теле тюнингом высокого класса. В этот Хэллоуин бедняга доковылял до дачи засветло. Чёрное озеро кишело празднующими, а его берега превратились в одну большую парковку. Некоторые машины были с антеннами. Некоторые с радиоприёмниками. Самые навороченные – с телевизорами. Мужик решил, что будет справедливо, если он найдёт какой-нибудь Форд, напичканный аудио и видео гаджетами, и позаимствует из него кое-что для своего личного праздника.

Тут блеклые глаза пленника хитро сверкнули и он важно изрёк:

– А хтоть его знает... Может, **я** эти штуковины **сам** им и прилаживал. А, значить, имею право... Попользоваться.

Недолго думая, он вытащил одну антенну и один радиоприёмник из незакрытого автомобиля и скрылся в подвале дачи. Настроил всё это на местную волну и начал праздновать.

Дальше ребята всё поняли сами. Каждый Хэллоуин находились «прикольщики радиолобители», пугающие легковерных старушек и слишком доверчивых домохозяек «Эфиром из Преисподней». Местная полиция их ловила, наказывала, но каждый год кто-нибудь «вёл прямой репортаж» либо из свежей могилы, либо из местного морга, а некоторые предлагали позвонить на прямую горячую линию само-

му Принцу Тьмы. И ведь звонили же!!!

За окном, между тем, тихий сумеречный свет разогнал все тучи. Лес выдохнул на озеро облако свежего воздуха. Вода начала кокетливо подмигивать стройным елям маленькими шкодливими волнами, и озеро покрылось нежной, глубокого зелёного цвета рябью. Девочки выбежали на улицу. Им хотелось помолчать и не спеша прогуляться вдоль водоёма, в котором уже плавал и кувыркался хрупкий полумесяц, добавляя в изумруд воды брызги золотых россыпей.

Если бы они знали, как сильно ждали их бравые друзья-бойскауты этого момента. Едва за девушками закрылась дверь, бомж скользнул в подвал и вскоре ...вечеринка началась. За полчаса пиво было выпито, животы окончательно надорваны, подорваны и почти оторваны в новых и новых конвульсиях смеха. К тому времени, когда подруги достигли противоположного берега, парни принялись за вторую коробку. А когда девушки вернулись, со второй коробкой тоже было покончено.

Фанки «разпушился и расхвостился», как главный индюк птичьего двора, и решил подправить свою сначала подвешенную, затем подмятую, а потом и вовсе нокаутированную репутацию. Он принял решение идти домой пешком. Да, через дикий лес! Да, через ямы и ухабы! Да, через овраг, где водилась по таким вот Чёрным праздникам нечистая сила! В общем, навстречу всем этим худосочным призракам леса.

Отговорить его не удалось. Он встал, расправил увесистые

плечи, и, ступая не очень твёрдо, ушёл.

Остальные ребята вызвали такси, разрешив бомжу пере- сидеть на даче до утра. Девочки объявили бойкот, погрузи- лись в «молчанку» и заявили, что доберутся домой сами. Тришка позвонила старшему брату и попросила забрать их через час. Они хотели навести хоть какой-то порядок на при- тихшей, обалдевшей от приключений, со слегка поехавшей крышей даче.

В последнюю минуту Призрак озаботился судьбой «бед- ного Фанки» и наотрез отказался садиться в такси. Он ре- шил последовать за другом. Пешком, в тёмный лес и через нехороший овраг. Удержать его не удалось.

Глава 3. Встреча цивилизаций и полёты перед доской

Только взявшись за дверную ручку, я вспомнила, что сегодня был Хэллоуин. От этой мысли мне даже полегчало. Наверняка, то, что раздавалось за стенами кабинета истории, было какой-нибудь Хэллоуинской штучкой. И я смело вошла в класс.

Не знаю, как я выглядела, увидев тех, кого мне предстояло обучать Новейшей Истории.

Догадываюсь, что не очень радостно. Более того, вполне возможно, они приняли меня за одного из «своих». Из тех, кто не совсем здесь и не совсем в себе.

Половина класса разговаривала на очень странном, никогда мной не слыханном языке.

Язык звучал примитивно и смешно. Я сразу вспомнила нашу известную комедию:

– Кин —дза-дза..

– Куу...

На меня смотрели (нет, это сильно сказано), поглядывали через прорези амуниции Штурмовики. Пара Имперских гвардейцев вращала глазами, скрытыми за прицельными монокулярными визорами. Из-под тяжёлой светящейся короны меня старался уничтожить своенравный взгляд принцессы

Падме. Её величество Лея пыталась заморозить непрошеную пришелицу властными «световыми» брызгами из-под слишком большой, нелепо сидящей на её маленькой головке, диадемы.

Дарт Вейдер злобно косился в мою сторону, приподняв капюшон грязно-коричневого балахона. И только Люк Скайуотер не смотрел на меня вообще. Я его внимания не заслуживала. Я поискала мудрого Бена Кеноби, но он отсутствовал. Может, ушёл, забрав остатки ума у непокорных, своенравных повстанцев и не желающего взрослеть ученика.

– Добро пожаловать в новый эпизод Звёздных Войн местного образца – поняла я.

Остальные шесть человек выглядели вполне по-человечески, но все до одного разговаривали на непонятных, каких-то экзотических языках. И ни один не прервал милую беседу с товарищем или подругой при моём появлении.

На раздумья у меня были секунды.

– Хотите поиграть, ребяташки? – недобро подумала я. – Сейчас поиграем! Тоже мне, нашли, чем удивить и заморозить! Другая цивилизация у них, видите ли! Они такие особые, что на всех языках, кроме английского разговаривают! Ну, подождите, будет вам и межгалактическая битва, и радостная встреча с новой планетарной системой. Здесь один человек, который, действительно, выходец из другой цивилизации. И это точно не вы!

Я начала урок. Внутри меня лёгким облачком порхала

детская радость: ведь заговорила я на родном, богатом и гибком, русском языке, не забывая вставлять эмоциональные пассажи на итальянском и приперчивая свой монолог звучными испанскими фразами.

Каждое новое слово, произнесённое на русском, наполняло меня весёлой уверенностью в себе. Представившись и немало не заботясь о том, поняли они что-нибудь или нет, я подошла к карте мира и классной доске.

Написав цифру 1945 год, а под ней три даты: 8мая, 9 мая и 2 сентября, я приступила к рассказу о разгроме Германии, окончанию Великой Отечественной и Второй мировой войн. Неожиданно вспомнив школу Станиславского и уроки актёрского мастерства, на которые нас «загоняли» преподаватели Лингвистического университета, я лихо разыграла историческую драму « Гитлер капут, мы победили, фашизм не пройдёт».

Когда я дошла до самоубийства фюрера, над моей губой появились гаденькие усики, нарисованные чёрным маркером, а затем я лихо плюнула на ладошку и размазала по лбу косую чёлку. Я вошла в образ так глубоко, что когда свалилась в агонии на журнальный столик, у меня не было желания с него подниматься: такого персонажа хотелось упокоить навсегда!

Я бегала перед картой, изображая самолёты всех видов: разведчики, бомбардировщики и даже штурмовики. Я надувала щёки и безобразно свистела, изображая бомбардиров-

ку Хиросимы и Нагасаки американскими лётчиками, вышагивала на Параде Победы в Москве и выступала с обвинительной речью на Нюрнбергском процессе. Возможность говорить на родном языке меня так окрылила и смягчила душу, что я старалась с каждой фразой употреблять всё больше международных слов, понятных каждому. И проговаривать их мед-лен-но и внят-но.

«Сражение» заменялось на «баталию», «самолёт» на «аэрокрафт», «захватили» звучало как «арестовали», а «остановить наступление» превращалось в его «блокировку» и далее «по списку». Я даже пару раз упомянула имя Джорджа Лукаса, режиссёра «Звёздных войн». Он просмотрел много документальных фильмов о войне и, особенно, о лётчиках, прежде чем написал многие батальные эпизоды.

Наконец, я выдохнула остатки задора и замолчала.

Доброе учительское сердце нашёптывала мне вопрос, который следовало задать. Шептало оно на английском:

– Any questions? Вопросы есть?

Но строгий преподаватель внутри меня говорил:

– Не поддавайся! Ни одного слова по-английски! **Они** начали эту игру в молчанку, **они** и должны её прервать. Иначе ты проиграешь. Кто здесь учитель, в конце концов?!

Тогда я подошла к доске и нарисовала несколько вопросительных знаков, тараша и вертя глазами во всех направлениях. Мне казалось, что таким макаром я подсказываю им, что делать.

Было тихо. Не разговаривал никто. Даже капризная и своевольная Лея сидела как пай девочка, сняв нелепую диадему и подперев нежную пухлую щёчку рукой. Её необычно глубокого песочного цвета волосы заиграли всеми красками золотых Балтийских дюн. Я поняла, кто здесь дочка миссис Вии.

Вопрос пришёл, откуда я не ожидала. Самый тихий, смуглый мальчик подмигнул мне бархатным шоколадным глазом и сказал на мягком, с азиатским акцентом, английском:

– А нам кого спрашивать? Вас или Гитлера? Вы же до сих пор с усами и приклеенной чёлкой.

Я застыла в ступоре. На секундочку. Ну, может, две. А потом все мы взорвались хохотом. Мы смеялись так хорошо, так дружно и безобидно, что вся классная комната потеплела и очеловечилась. Нет, чуда не случилось. Костюмы никто не снял. Но недобрая атмосфера таяла на глазах. Правильно сказал, по-моему, Будда: « Там ужаса нет, где есть смех».

Пока я стирала усы и расклеивала чёлку, в классе поднялись сразу две руки.

Первая принадлежала девушке с первой парты. Я сразу выделила её среди всех учеников. На неправдоподобно красивом чёрном лице жили своей жизнью блестящие, полные дерзкой непокорности, мудрые глаза много повидавшего человека. От одного взгляда её карих, с тигриной желтизной глаз, мне становилось неловко. Как будто она знала и понимала больше меня.

– А у Вас дети есть? – с вызовом спросила девушка.

– Двое, – коротко ответила я.

– А у меня пять – отрубилa она и подняла опять руку.

– Да, ещё вопрос?

– А настоящую войну Вы вблизи видели? От смерти спасались?

– Нет.

– А я от неё, от войны, убегала. И убежала. А от горя и предательства – не смогла.

Я заметила шок на лицах «звёздных принцесс», и поняла, что ученики этого класса ничего друг о друге не знают. Или почти ничего.

– А из какой страны ты от войны убегала? – это подал некрепкий голос сам Люк Скайуотер.

– Из Южного Судана.

– Вы знаете – я попыталась вступить в разговор. – Мы Вам будем очень благодарны, если на одном из уроков Вы нам расскажете свою историю. Ведь эти толстые учебники (я показала на тома Новейшей Истории в шкафу) не могут говорить человеческими голосами. И страдать они не могут. И горе отдельного человека им передать не под силу. Так что самая драматичная и важная часть истории будет звучать вашими голосами. Договорились?

Все тихо и разом закивали головой.

Поднялся черноглазый, шустрый на вид, подросток, сидевший рядом с похожей на него девочкой.

– А когда мы будем смотреть кино?

– Какое кино?

– Ну... По истории. Мы на уроках истории всё время кино смотрим.

– И какие же фильмы вам запомнились?

Мальчик молчал. Несмело, срывающимся голосом, ответила его соседка:

– Спасти рядового Райена.

– А ещё?

– Звёздные войны. В этом классе мы всё время только их и смотрим.

– Это интересно! И кто же мне расскажет в 3—5 предложениях сюжет и основную идею этих фильмов? Я их не видела.

– Почему?! Да такого быть не может!!!

– Скучно. Для детей. А спецэффекты меня в сон вгоняют. Я их называю словами Шекспира: «Много шума из ничего». У него такая комедия есть.

Но идея и тема фильма интересные. Я сценарий читала. Так кто меня просветит?

Тут заговорили все разом. Громче всех звучал голос императора Палпатины из второго эпизода:

– Это фильм про войны, про умных джедаев, про Мёртвую звезду.

Остальные говорили что-то в подобном духе. Сыпались режущие ухо имена, искусственно придуманные режиссё-

ром слова, упоминались световые мечи и торпедные бомбы. Но ни один не мог сказать, про что фильм и что хотел сказать им всем, своим поклонникам, режиссёр Лукас.

Тогда взяла слово я.

– Как вы думаете, что может заставить человека сесть за стол и начать писать книгу или сценарий? Быть часами одному, заставляя себя писать в полном одиночестве, когда другие гуляют, веселятся или в бейсбол играют?

– Может, этот человек хочет много денег заработать? – спросил один из «штурмовиков».

– Верно. Это одна из причин. Но на бирже или в строительном бизнесе денег заработать куда легче. А люди зачастую бросают самый прибыльный бизнес или работу и начинают писать. Почему?

– Может, они прославиться хотят? Брокеров много, их в лицо никто не знает. А фамилию Лукас сейчас знает весь мир.

– И это – сущая правда. А сколько других известных фамилий писателей или режиссёров вам приходят на ум, кроме Лукаса? Ведь их – тысячи.

Все молчали.

– А почему именно его кино-эпопея вас так «на крючок» поймала?

– Потому что она о подростках.

– В ней много приключений.

– Там интересно говорится про тёмные силы и светлые

силы.

– Этот фильм о том, как стать Героем.

– Вы все правы. Идея Лукаса состояла в том, чтобы показать «правильный» жизненный путь юноши-подростка: его духовный рост, возмужание и превращение в Героя. Многие думают, что это ему удалось. В конце фильма все понимают, что без «подключения» к межгалактическому энергетическому полю силу обрести невозможно.

– А как к нему подключиться? Как наполниться силой энергии? – это серьёзно, без иронии, спросил Люк Скайуокер.

– Учиться. Набираться опыта, делая что-то конкретное, стоящее. Не бояться приключений и всего нового. И никогда не подчиняться слепо приказам, инструкциям, не обдумав их критически.

– Вот это да! Даже в своих наставниках сомневаться?

– Даже в школьных инструкциях?

– Конечно! В фильме есть герой, который был настолько верен своему наставнику, что выполнял все его приказы и директивы с точностью до буквы. И что с ним стало? Я говорю о Дарт Моле с планеты Иридония. Или возьмите штурмовиков: абсолютно в любой ситуации они верны империи. Послушно бегают по Звезде Смерти там и туда, куда им начальник прикажет. А результат? Ни одного сражения выиграть не могут.

А фашистские армии? Я говорю о реальных фашистах.

Нацистские солдаты и офицеры были образцом бездумного подчинения и слепого преданного служения фюреру. И чем всё закончилось? Не зря ваш любимый режиссёр воплотил самые отвратительные, бесчеловечные черты Гитлера в образах Палпатина и Дарта Мола.

Так что Джорж Лукас взялся за перо потому, что очень хотел поделиться со всеми вами своими мыслями, мечтами, идеями. Кстати, Лукас очень любит читать. У него есть несколько самых любимых книг.

– А какие книги любит читать Лукас? – спросил «Дарт Вейдер»

– Айзека Айзимова «Основание», Фрэнка Герберта «Дюна», Эдгара Райза Барроуза (все его книги), Э. Э. Смита «Линзмен». И многие другие. Ещё Лукасу нравятся японские истории и сказки о самураях. А японский режиссёр Акиро Куросава – это его кумир.

Между тем, шустрый черноглазый мальчик упрямо повторил вопрос:

– А кино мы когда смотреть будем?

– А мы не будем смотреть кино. Мы будем по-другому изучать историю, – очень твёрдо ответила я. К моему облегчению, никто не возразил.

Время урока вышло. Мы попрощались. И только выходя из кабинета, один из ребят выкрикнул:

– А Вы на русском языке бегали перед доской?

Из-за того, что он ошибся, вопрос получился вполне

из разряда «Школьных приколов». Всех опять обуял смех.

А я ответила:

– К Италии на итальянском подлетала.

И мы расстались.

Глава 4. Русская подводная лодка, призраки в яме и весёлая ночь в больнице

Домой я добиралась долго. К вечеру пошёл дождь, и движение на дорогах встало так, как у нас в России оно может встать только в сильнейший снегопад.

Так как это был вечер Дня Нечистой Силы, то и дождик включился в праздничные розыгрыши. Он то серел и темнел, заливаясь ехидными всхлипами, то впадал в ярость и так барабанил по крыше машины, как будто умолял впустить его внутрь. Но через минуту уставал, затихал и начинал подыгрывать серебристыми капельками весёлым лучам заходящего солнца. И всё вокруг вмиг становилось цветастым, свежим и радостным.

Перед тем, как лечь спать, я всегда слушала радио. Для языковой практики я, естественно, выбирала разговорные станции. Так я сделала и в этот раз.

Я перекусила, прочитала, как делала каждый вечер, двадцать восемь страниц американского блогера Джонсона про Россию (про его «письма» я напишу позже), и блаженно вытянулась на своей узкой американской кровати. У американцев, вообще-то, кровати и матрасы (многие спят на них, не троясь на «кроватьную» роскошь) широченные. Очень

большие. Как они сами говорят: « Мы большая страна, и у нас всё большое: машины, дороги, кровати и женщины». Я же, не без труда, умудрилась купить себе узкую. С одной стороны, это никак не влияло на размер моей родной страны. С другой, лёжа на узкой коечке, я лучше ощущала «широту» своего русского мышления и очень скромный размер моего кармана.

Я потянулась, прикрыла глаза и нажала кнопку приёмника.

– Тревога!!! Уровень пятый! Перископ российской подводной лодки только что показался в заливе Нью Йорка!!! Атомная атака может начаться в любую минуту!!!

Меня встряхнуло и передёрнуло. В следующую секунду я вскочила.

– Повторяем! У вас осталось несколько минут до возможной атомной атаки с борта Российской подводной лодки! Торопитесь!!! Покидайте дома и немедленно включите телевизоры!

В панике, я покрутила настройку приёмника. Если начнется война, то ведь все станции должны прервать передачи и оповещать граждан.

Первая же радиостанция обдала меня вкрадчивым тёплым голосом Фрэнка Синатры. «It's my way..» уверенно выводил любимец женщин, оповещая всех о том, что у него «Свой путь». О войне и пути в бомбоубежище Синатра не заикнулся.

Следующий голос оказался женским. Тоненько и смущённо дамочка щебетала о своём, о женском: как угождать мужу, что одевать, если он пригласит тебя в ресторан, и т. д. и т. п. Я крутанула ручку назад:

– До атаки осталось, возможно, пара минут! Но они у вас ещё есть! Вы ещё можете купить «Набор для чрезвычайных ситуаций». С нашим набором вам не страшна даже атомная атака с Российской подводной лодки. Скидки действуют для тех, кто позвонит в телестудию «Магазина на диване» прямо сейчас. В набор включены 10 батареек, упаковка....

Я рухнула на пол. Меня трясло от злости. Гнев начал «активировать» мой мозг, и я включила «критическое мышление» на полную катушку. Лихорадочно дыша, я набрала номер телефона, который как в nirване повторял ведущий: позвони мне, позвони... набери 6359...

– Здрааавствуйте... – приторно пропела я в трубку. – А набор для психически больных и нестабильных у вас есть? Ну, для тех, кто в такой ситуации ничего не соображает и буйствует?

– Одну минутку, мэ, – радостно заворковал продавец. – Вот, уже нашли!

– А два?

– Конечно, мэ, и два найдём.

– Слушай, мужик, съешь их оба разом! Один тебе не поможет! А я сейчас позвоню в Российское посольство, рекламку вашу им передам.

Я повесила трубку. Мужик из рекламной кампании взял, видимо, перерыв на приём лекарства. Крики прекратились, полилась джазовая композиция Дюка Эллингтона.

Но не зря же говорят: не поминай лиха. Моё «лихо» тут же достало меня звонком... откуда бы вы думали? Правильно! Из Клиники Психического здоровья (или нездоровья, я никак в их названиях не могла разобраться).

– Это миссис Ти? – вежливо и устало спросил мужской голос. Убедившись, что попал по нужному номеру, мужчина представился:

– Меня зовут доктор Хат. Я звоню из клиники Коррекции Психического Здоровья.

Я в очередной раз почувствовала, что стала оседать на пол.

– Чем я могу Вам помочь? – спросила я доктора, тут же осознав, как глупо прозвучал мой вопрос. Я покраснела и, почти не дыша, крепче сжала трубку.

– Очень даже можете, мы надеемся. К нам тут полиция доставила двух ваших учащихся. Из двенадцатого класса школы «Розового Заката». Они утверждают... скорее, бормочут, что Вы, миссис Ти, их классный руководитель. Наставник, так сказать.

– Допустим. Но у них есть родители. Мне кажется, что Вам лучше связаться с ними.

– В том то и дело, что они умоляют не звонить родителям. Как недавний студент, я их понимаю. Вы знаете, я интерн,

отрабатываю свои два года до лицензирования.

Вы своих студентов всё-таки знаете. Поможете разобраться. Мы в сомнении: надо их госпитализировать или можно отпустить домой.

– А Ламентию Суавес тоже к вам поместили? – выпалила я, пока юный доктор не вспомнил о врачебной тайне.

– Да! Ох, да ведь я не должен был говорить.

– Всё нормально. Я не из Америки, умею молчать и быть благодарной. Я подъеду. Буду через полчаса.

Мелкий дождь погрузил городок Эскондидо и скоростную «дорогу безумцев» I-15 в унылое облако мороси. Знаменитая трасса Ай 15 вела напрямиком в Лас Вегас, без остановок, и славилась безумными водителями. Направляясь в пятничный вечер в игорное королевство, люди горели шальным желанием выиграть безумно много денег. И машины они вели соответственно: 150—180 километров в час было обычной скоростью, с которой водители нагло обгоняли патрульные машины и успешно скрывались от полиции. По словам знакомого полицейского, на этой трассе движением командовали Призрак Удачи на пути в игорный рай (или ад) и Бес Отчаяния по дороге домой.

Так что я не стала искушать судьбу и решила добираться до больницы по «старушке» 101. Я полюбила эту дорогу с первых дней своего вождения: машин в три раза меньше, полоумных водителей, спешащих на небеса без направления доктора, почти нет, а сама дорога окружена приятными зе-

лѐными холмами и разноцветными, сельского вида, домиками. Один участок дороги прилегал почти вплотную к кряжистым, загоревшим до красной пузырчатой шкурки, горам. В этот раз я замедлила скорость, огибая высокую, выжженную до последней травинки гору, которая мне всегда нравилась. Она изящно, но сильно, тянула вверх свои четыре руки – отрога, раскрыв их ладонями к небу как в вечной молитве. Но в этот раз что-то на правой «ладошке» зацепило мой взгляд.

– О, господи, да это же цветок! – выдохнула я. Цветок победно тянулся вверх, как большой палец руки, крича на всю округу: « Вот здорово! Я расцвёл! Я победил!».

Я остановила машину, заметив, что ко мне присоединились ещё несколько человек, проезжавших мимо. Мы все улыбались, вглядываясь в яркие оранжевые лепестки. Цветок, ни грамма не смущаясь, храбро играл с ветром, быстро и хитро отворачиваясь от его дождливых вздохов и пряча гордую головку за крепким стеблем. Вскоре даже дождик сдался, и ленивыми косыми скачками уполз за гору, оставив цветок царствовать на четырёхглавой башне коричнево-красного каменного «замка».

– Это волшебный аленький цветочек? – услышала я мягкий детский голос позади себя.

– Да, милая. Это он и есть, – ответил уверенный мужской бас.

– А он чудеса может делать?

– Без сомнения. Если он каким-то чудом вырос из огромного камня и так крепко за него уцепился, что никакой бурей его оттуда не прогонишь, – значит, это по-настоящему волшебный цветок. Загадывай желание. Смотри на цветок с любовью. Пожелай ему долгой жизни и много деточек, таких же красивых и храбрых – и все твои мечты сбудутся.

– А ещё я хочу попросить его научить меня быть такой же смелой и сильной.

– Закрой глаза, моя милая, и попроси его об этом. И у тебя всё получится.

Слушая этот разговор ребёнка с папой, я впала в полное детство сама. Я тоже загадала желание. Я послушно закрыла глаза и тихо умоляла цветочек дать мне мужества, гибкости ума и терпения. Ведь меня ждала не самая весёлая больница и совсем невесёлые проблемы.

Однако, жизнь щедра на добрые сюрпризы, когда на них и не надеешься.

Улыбаясь, я добралась до Центра Психического Нездоровья (нет, всё-таки пусть будет Здоровья) и припарковала машину на почти пустой стоянке.

Попасть в Америке к доктору – дело непростое. Например, ваши почки возжелали показать себя Урологу. Не тут – то было! Сначала надо записаться по телефону к Врачу Общей Практики. К тому самому, который на четверть Терапевт, на четвертинку Ухо-Горло-Нос, на треть Травматолог и на остальную пятую часть всё вместе: уролог, гинеколог,

кардиолог и...

Потом надо подождать 4—8 недель, пока он/она Вас примет (если, конечно, к этому времени почки сами не отвалятся). Затем, прорвавшись сквозь «заградительный отряд» медсестёр, Вы попадаете в заветную комнатку, где спокойно и радостно ждёте врача. Того, который не конкретный врач, а в общем-то врач, или «врач, общий для всех». У врача на Вас 4—6 минут. За это время от Вас требуется только одно: убедить его дать направление к специалисту. Это удаётся не всегда. Доктор сопротивляется, говорит, что выглядите Вы хорошо, на больного не очень похожи, и предлагает сдать сначала много анализов, а там посмотрим. Лично меня так «мурыжила» доктор Шеридан. Где-то пару лет назад. Целых три месяца. Анализы терялись два раза, и я уже отчаялась попасть к специалисту, пока вдруг мне не стало совсем плохо. Теперь уже все заговорили об операции. Но назначить её на конкретный день никак не могли: то ли не хотели, то ли не могли, то ли не считали нужным. Между тем, мне предстояла поездка в Латинскую Америку. Через Панамский Канал, на океанском лайнере. Поездка была уже оплачена. Как-то вечером меня навестила подруга американка. Элла из Техаса. Строгая учительница английского или « дама с пистолетом», как я её называла. При ней всегда было оружие. Вот и в этот раз, усевшись в кресле со своим увесистым, совсем не дамским, пистолетом на коленях, она властно меня спросила:

– И долго ты так будешь валяться? – У тебя вторую неделю температура под сорок. И кровоизлияние в левом глазу.

– Правда?! – в ужасе переспросила я и уставилась в поданное мне зеркальце. Лицо испугать могло кого угодно (но только не американских медиков). Под глазами висели лиловые мешки, левый глаз по-вампи́рски сверкал зрачком сквозь кровавую плёнку. Правое верхнее веко устало до того, что решило прикорнуть и сползло чуть-чуть вниз, остановленное пока ещё крепкими ресницами.

– Но что я могу поделать?! Обещали позвонить, когда моя операция будет включена в расписание.

– Детка, ты в Америке, **здесь ты сама о себе заботиться должна.** У тебя когда поездка в Мексику?

– Через две недели.

– И ты не знаешь, что делать?! Давай бумагу. Диктуй все даты, когда ты к врачу обращалась. Дай мне данные о поездке и её стоимость. Лежи и жди.

Она быстро и грамотно написала заявление главному врачу больницы (поликлиник в Америке нет), пригрозив взыскать стоимость поездки в стократном размере, если из-за неоказания мне положенной по страховке медицинской помощи я эту поездку буду вынуждена отменить. Потом заставила меня его подписать. Я не спорила.

Письмо мы доставили врачу в четверг (вести машину сама я физически не могла, а больница была в 110 километрах от моего дома), а на понедельник, то есть через три дня, мне

назначили операцию.

В той стране, где я родилась, в Советском Союзе, был лозунг: «Кадры решают всё». В той стране, где я сейчас временно жила и работала, в США, я бы везде вывешивала стикер: «Деньги решают всё». Что вам нравится больше, решайте сами.

Итак, я заглушила двигатель, зачем-то захватила зонтик, (ведь выезжала я в дождь) и, спрятав смятение и неуверенность за властным учительским голосом, потребовала от администратора немедленно пригласить доктора Хат. Замороженная улыбка появилась на бесцветном, без всякого выражения, лице девушки и исчезла. Пошептавшись со своим компьютером, она вяло махнула безвольной рукой куда-то вправо. Я не стала переспрашивать и поспешила в том направлении, куда она показала.

В узком белом коридоре одна дверь была распахнута. В неё я и вошла. Кабинетик оказался меньше, чем я ожидала. Два на три метра, не больше. Тюремный стандарт. Да и внутри было как в камере: какие-то нары, один стул, ни окна, ни картинок на стене, ни даже жизнеутверждающих плакатов типа «Если в пустой комнате ты слышишь голоса, не пугайся: все писатели с этого начинали».

Или, например, что-то типа « Не впадай в психоз сразу. Дождись, когда тебе принесут счёт за оплату больницы!».

Но стены были серыми и унылыми до безобразия.

Вдруг раздались шаги и чей-то голос. И то и другое доно-

силось из коридора. Я выглянула. Ко мне направлялся клоун. В такой больнице, как эта, клоуном в ночь Хэллоуина мог быть кто угодно: пациент, врач, применяющий творческие методы лечения, волонтер, пришедший развлечь больных. Тот, который спешил ко мне, походил на живого настоящего клоуна из самого настоящего цирка. На носу красный шарик. На голове рыжий парик. Глаза заводные. Походка с приволакиванием обеих ног, которые путались в непомерно широких и длинных горошковых штанах на одной лямке.

Я, на всякий случай, поздоровалась.

– Оу, оу, привет зрителям! Вас поместили в одиночную камеру? – весело затараторил циркач.

– Похоже на то, – бодро поддержала разговор я.

– И что же Вы натворили?

– Диктору с радио нагрубила.

– Грубить плохо. Надо веселить...

С этими словами он захлопнул мою дверь и двинулся дальше. В один прыжок я оказалась рядом с дверью и стала её трясти, пытаюсь открыть. Я напала на неё сбоку, в фас и с разбегу. Бесполезно. Потом я вспомнила Шурика из «Кавказской пленницы», громко рассмеялась и стала думать. Это же не простая больница. И замки у них непростые:

– К нам – добро пожаловать! А вот наружу – это как доктор решит!

Доктора, между тем, не было. А желание выбраться из этой клетки росло с нездоровой скоростью.

На ум пришло маленькое происшествие, которое случилось со мной на днях. По пути на работу я ежедневно проезжала мимо новостройки. Рабочие возводили целый микрорайон из небольших частных домиков. Я была поражена, как быстро они их строили. Каждые 8—10 дней я насчитывала одним домом больше. Наконец, любопытство стало нестерпимым, и я остановилась рядом с группой рабочих. Я решила спросить, как они умудряются строить так быстро. В чём секрет?

– Ну, во-первых, мы не закладываем фундамент. Дома стоят прямо на земле, – объяснил мне бригадир.

– Во-вторых, мы же возводим их из готовых конструкций. А конструкции эти очень лёгкие, практически из гипсокартона. Собрать из них дом – сущий пустяк.

Тут его позвали, а я решила проверить информацию. Тихонько, стараясь быть незамеченной, я вошла внутрь и выбрала для опыта одну стенку. Размахнувшись левой ногой (для чистоты эксперимента я использовала более слабую ногу), я «вжахнула» подошвой туфли по этой перегородке. Туфля вместе с подошвой исчезли из виду. Они оказались по другую сторону стены, в которой зияла большая дыра. В панике, я нашла выход, рядом с которым не было строителей, махом вылетела из строения, мухой влетела в машину, газанула так рьяно, как мне до этого ни разу не удавалось, и натурально «смылась» с места происшествия.

Я вспомнила всё это, глядя на зонтик. Потом встала

со стула, крепко зажала его в руке, предварительно плотно сложив, и со всей силы ткнула им в противоположную от двери стену. Зонтик в моей руке ополовинился в ту же секунду. Вторая его часть оказалась в соседней комнате. Вытащив её назад, я, быстро соображая, спрятала зонт в свою большую учительскую сумку и «вставила» глаз в дырку.

Я не поверила своим глазам. Передо мной был тот же самый клоун. Он, казалось, репетировал сцену «клоун в зоопарке». Он становился на четвереньки, полз к непонятно кому, строил этому «никому» разные страшные и смешные рожи, а потом резко отпрыгивал и залезал на кровать. Там он начинал «отрываться по полной»: танцевал, делал «хип-хоп» и хитрым голосом вопил:

– Вот тебе! Кукиш с маслом, а не моя голова! Вот тебе, волосатый!

Тут, повернувшись на одном прыжке к стене с дыркой, он увидел мой глаз. Клоун подскочил к стене и зашептал:

– Ты чей? – обращался он явно напрямую к глазу.

– Это мой глаз, – зашептала я в ответ.

– А как ты дырку в стене просверлил?

– А у меня волшебный зонт.

– Ты, что ли, фокусник?

– Да... А ещё дрессировщик, в школе...

При слове «дрессировщик» клоун буквально взвыл. Он кинулся к двери и стал звать на помощь. Санитар был в его палате через минуту. Клоун показывал на дырку, долдонил

что-то про дрессированного фокусника и закрывал голову ладонями. Санитар успокаивал его, мягко и бережно обняв, а сам вызывал по мобильному доктора.

Скоро меня открыли. На пороге стоял очень худой, с подвижным, но мягким лицом индиец. Кроткие, усталые, с розовыми от бессонницы прожилками глаза, смотрели на меня с укором. Я чувствовала себя вроде как виноватой, а, с другой стороны, вроде как потерпевшей. «Виноватость» я отключила за ненадобностью, включила так любимую американцами «эффективность», и твёрдо спросила:

– У вас всех посетителей так принимают? Или только преподавателей?

– А Вы кто?

– Та, кого Вы просили приехать и помочь Вам.

– Так Вы миссис Ти?

– Ну да...

– А почему Вы в этой комнате для буйных, оказались? И как Вы дырку в стене проделали?

Чем спокойнее и профессиональнее он со мной разговаривал, тем больше меня душил хохот. В этот раз передо мной возникла бесподобная Наталья Крачковская из «Ивана Васильевича...», которая с блаженной улыбкой говорила:

– И тебя полечат. И меня полечат...

Я ничего не могла с этим хохотом поделать. Я присела на «нары» для буйных и зашлась в смехе. Умом я понимала, как это выглядит и что может подумать доктор, но сердце

требовало «отдушки», – оно у меня привыкло жить в радости.

Насмеявшись, я уверенным тоном сказала, что к дырке в стене никакого отношения не имею. У них, видите ли, комната для буйных открыта всю ночь, а они ещё дыркам в стенах удивляются.

Но клоун предательски «частил» и тыкал в мою сторону пальцем.

– У неё волшебный зонт. Она фокусник... Она дрессировщик... В клетку её!

Мы с доктором вышли и направились к его кабинету.

– А кто этот клоун? – спросила я. Не всё мне вопросы задавать, я тоже имею право поинтересоваться.

– Это очень хороший и всеми уважаемый человек. Он настоящий клоун. Больше двадцати лет в цирке отработал.

– А что же случилось?

– Да всё самомнение непомерное виновато, – тут доктор Хат так на меня глянул, что я опустила глаза.

– Возомнил себя «клоуном, зверей укрощающих», и решил льва рассмешить.

– Что?! Кого рассмешить?

– Льва. Циркового льва. Зашёл к нему в клетку сразу после ветеринара, поспорив с тем на 100 долларов, что заставит льва скулить от радости, как младенца. Вернее, он заполз к нему. И стал рожи строить. Но не долго. Лев зарычал, поднял лапу, приподнялся и прыгнул ему на голову, обхватив

обеими лапами. Что самое интересное, лев и не думал его на куски рвать или кусать. Он так по-своему, по-львиному, играть с ним стал. У львов ведь своё чувство юмора. Ветеринар, между тем, вопил на весь цирк и звал дрессировщика. Тот прибежал, освободил фокусника, а льва успокоил.

– И что было дальше?

– А дальше Вы и сами видели. Второй месяц у нас «отдыхает». Мы стараемся его таблетками особо не пичкать. Психотерапию применяем.

– Помогает?

– Да, понемножку помогает. Да вот только страховки медицинской у фокусника нет. А пребывание в больнице очень дорогое.

Тут я вспомнила свой вариант плаката про «психоз при предъявлении счёта за лечение».

– И кто же за него платит?

– Пока «Ассоциация защиты дикой природы». Они считают, что фокусник показал всему миру пример гуманного, человеческого отношения к хищникам. А что дальше будет, мы не знаем.

Мы дошли до его кабинета, вернее, похожей на кладовку комнаты, которая действительно оказалась направо от администратора, но в самом конце коридора.

Там, издавая при каждом движении скулящие звуки, и источая, даже в неподвижном состоянии, едкий хлорно-туалетный запах, сидели Фанки и Призрак. Они, было, бросились

ко мне, но я отскочила. И так в каморке бедного врача дышать было нечем.

Доктор велел им помолчать и коротко рассказал, что случилось.

Этих двоих к нему доставили полицейские пару часов назад. Из леса. Из старой заброшенной выгребной ямы, которой пользовались владельцы давно снесённого дома. Доктор увидел на шее у Фанки полосу от верёвки и решил, что перед ним типичный самоубийца. А таких положено класть на обследование. Призрак вообще ничего внятного не говорил, он никак не мог отойти от шока. А таких тоже положено задержать на пару дней в больнице. Но понять, что произошло, доктору так и не удалось. И он позвонил мне.

Мы все глубоко вздохнули, доктор дал нам по кружке ароматного кофе, и я начала «допрос с пристрастием». Минут через пятнадцать наш добрый «мозгоправ» смеялся не хуже меня в комнате для буйных. Но это было только начало истории, про вечеринку. Фанки приступил ко второй части. Про лес.

– Иду я, песни пою, и вдруг: хрясть, проваливаюсь в яму. Вонючка стоит, хуже, чем в преисподней. Пытаюсь выбраться, но стены этим, ну, сами понимаете, чем покрыты...

И ухватиться не за что. Всё скользкое и жидкое. Стал на помощь звать. Кричал на всю округу. Даже нечистую силу помянул. И тут бац: на меня призрак с болотными «зеньками» падает. Я вообще кричать прекратил. У меня язык пара-

лизовало. Я давай призрака с себя стряхивать. А он ни в какую. Кричит:

– Фанки, я же тебя спасти пришёл! Нам надо держаться вместе! Возьми меня с собой!

Тут я чуть с катушек не слетел. Отпихнул его ногами так, что он согнулся. Потом ему на спину встал и вылез всё-таки.

Услышав такое, Призрак пришёл в себя и бросился на Фанки с кулаками. Доктор пригрозил обоим смиренными рубашками, и они затихли. Дальше говорил Призрак:

– Тут я вспомнил про сотовый телефон. Головой потряс, Очки Ужаса загорелись. Я набрал 911. Только вот адреса не знал, и когда дежурная в третий раз про адрес спросила я и сказал:

– Чёрный лес, выгребная яма. Чёрный лес, выгребная яма. Ну, полиция, и отключилась.

Мы с доктором не просто смеялись. Мы подвывали от удовольствия, сотрясались в хохочущих рыданиях и топали руками и ногами.

Фанки с Призраком даже обиделись. Они надулись и замолчали. Пришлось им по второй кружке кофе наливать, чтобы задобрить. Рассказывал Фанки.

– Я побежал. Орал во всю глотку и бежал. Издалека заметил трассу. Побежал туда. Вдруг вижу, а мне навстречу мотоциклист в костюме полицейского мчится. На голове прибор ночного видения. Шлем как у Шумахера. И голосит вовсю:

– Есть кто живой?! Есть кто живой!? Откликнитесь!

Я ещё больше перепугался. В жизни такого не видел.

Доктор Хат извинился и вступил в разговор:

– Это и был полицейский. После звонка Призрака дежурный задумался.

Вспомнил о Хэллоувине и решил, на всякий случай, прочесать лес. Машина там пройти не может, поэтому отправили мобильного полицейского на мотоцикле. Но Фанки от него спрятался. Полицейский поехал дальше, освещая и осматривая каждый метр. И, наконец, обнаружил Призрака. Вытащил его, стал спрашивать, один ли он был или с товарищем. Тот только мычал и в сторону дачи пальцем тыкал. Поехали на дачу. Там девочки рассказали про Фанки. Вернулись в лес. И, наконец, нашли его под одной из ёлок. Он в иголки зарылся и спрятался. Вот тогда-то полицейский доставил их до трассы, а там уже их ожидала дежурная машина. И они – сразу к нам!

Я упростила доктора отправить «героев» в душ, а их одежду отдать в больничную прачечную. Я заплатила ночной нянечке 20 долларов, и она, поворчав и крутя носом от отвращения, забрала бельё в стирку, предварительно выбросив в урну Очки Ужаса и наложив на себя крест.

Пока Фанки с Призраком пыхтели от удовольствия в больничном душе, мы с доктором разговаривали о Ламентии. Я умоляла его не давать ей сильных лекарств и, если получится, «назначить себя» её основным лечащим врачом.

Доктор Хат нравился мне всё больше и больше. Он, дей-

ствительно, был из Индии, из семьи потомственных врачей. Говорил он так мягко, так тщательно подбирал самые нужные для данного момента слова, что я безоговорочно ему поверила.

Доктор не стал будить Ламентию, но пообещал устроить большое, длинное свидание с ней для меня и её подруг послезавтра вечером.

Прощаясь, доктор задумчиво погладил себя по лбу, по тому месту между бровями, где, по мнению йогов, у нас находится «третий глаз», «ашна чакра», центр интуиции и внутреннего прозрения. Потом он сказал:

– Миссис Ти, можно попросить Вас принести мне некоторые письменные работы Ламентии и её подруг.

– По какому предмету?

– Насколько я понял из разговора с «сидельцами из Чёрного леса», Вы у них преподаёте социологию. А этот предмет изучает межличностные отношения: дружбу, любовь, групповое поведение и прочее.

– Да, так всё и обстоит.

– Дети же, наверняка, пишут эссе на эти темы.

– Конечно, пишут.

– Я Вам буду очень благодарен, если Вы отберёте для меня такие работы, которые помогут мне понять характер, проблемы, взлёты и падения Ламентии. Кстати, а это правда, что она, мексиканская католичка, дружит с мусульманкой, да ещё из Чечни, из России, и типичной белой американской

протестанткой?

– Сущая правда. У них такой крепкий «тройственный союз», что их дружбе самые сильные и благородные мужчины могут позавидовать. Я такую дружбу только в Советском Союзе встречала. Потом, как только страна в свободное рыночное плавание пустилась и распалась, следом и многие дружба стали распадаться. Раньше мы шли в одном направлении, но разными путями. А с началом Перестройки каждый побежал в своём направлении, но по одному пути: делай деньги, остальное приложится. Ошибка вышла. Не всё к деньгам прикладывается с лёгкостью и удовольствием.

– А Вы сами верите в женскую дружбу?

– Да! Больше, чем в мужскую.

– Вы знаете, я тоже. У мужчин зачастую не поймёшь, где заканчивается соперничество и начинается дружба. Или наоборот? – улыбнулся он.

Мы уже прощались, договорившись, что он вызовет такси для Фанки и Призрака, когда я почувствовала укол совести. Прямо в сердце. Как будто там зияла та самая дырка от зонтика. Не без труда, краснея и смущаясь, я протянула доктору 200 долларов (всё, что у меня было в кошельке).

– Вы меня простите, доктор Хат, но дырку в стене проделала, конечно, я. У Вас могут быть неприятности: ведь это случилось в Ваше дежурство. Может, этих денег хватит, чтобы заплатить завхозу и попросить залепить дыру прямо сейчас? Мне очень стыдно...

Я насильно вложила деньги в изящную руку с тонкими, чуткими пальцами и выбежала на улицу. Похоже, день, наконец-то, действительно закончился.

Глава 5. Шесть глаз, три рояльных ноги и пожизненный приговор

«Я уныло тыркала одним пальцем по случайным нотам рояля. Рояль стоял в школьной библиотеке, вернее, в уютном концертном зале, прячущимся за высокими книжными полками. Было скучно. Ожидать – всегда тоска смертная, а ожидать неизвестно чего – и того хуже.

– Давай дружить, – раздалось откуда-то слева и снизу.

Следом, над благородной чернотой рояльной талии на трёх ножках, показались два таких же чёрных глаза. Глаза просто умоляли меня заговорить с ними.

– У тебя подружка в этой школе есть? – в этот раз к глазам присоединилась две овальные щёчки. Щёчки подрагивали в такт аккуратным кренделькам из двух тёмных блестящих косичек, закреплённых большими бантами над всем маленькими ушками. Всё в девочке готово было рассмеяться и расплакаться одновременно. Прошло несколько лет, прежде чем я поняла, что в этом и была главная особенность Ламентии: хранить улыбку и печаль в одном и том же месте. Кто-то скажет, в сердце. Другие предпочитают назначить «хранилищем» нашу голову. Многие американцы считают, что это желудок.

– Меня зовут Ламентия, – голос девочки начинал опасно

дрожать, и я поспешила ответить:

– У меня нет подруги в этой школе.

– Так ты хочешь со мной дружить? – почти на выдохе, шёпотом переспросила незнакомка. Глаза, щёчки и крендельки дрожали так испуганно, как дрожат лепестки Сакуры, дожидаясь первого порыв ветра, который унесёт их в неизвестность.

– Хочу! – глубоко и радостно вздохнула я. – Моя мама сейчас в школьном офисе. Записывает меня во второй класс.

Ламентия не успела ответить, потому что из-за нотного шкафа раздался какой-то шорох. Мы замерли. Ламентия застыла с открытым ртом и всё ещё улыбающимися глазами. Шкаф шевельнулся, закачался, передумал падать и стал смотреть на нас огромными голубыми глазищами. Их свет исходил из щели между второй и третьей полками. Потом из-за шкафа показалась аккуратная головка, прикрытая кокетливым, но элегантно повязанным мусульманским платком. Маленькая девочка в школьной форме тихонечко выползла из-за полка. Она отряхнула юбку, пригладила русую прядь волос, заползшую на правое ухо в виде вопросительного знака, и сказала:

– А меня к себе примите?

– Куда тебе принять? – спросила я, не совсем её понимая.

– В дружбу – смешно ответила девочка. – Меня зовут Саният. Моя мама тоже сейчас в офисе. Я тоже буду ходить во второй класс.

– Конечно, примем!

Мы подошли друг к другу и взялись за руки.

– А давайте составим Договор о Дружбе! – предложила я.

– Нет, лучше Приговор, – серьёзно и тихо возразила Саният.

– А что такое Приговор? – прошептала Ламентия.

– Это такое решение, которому все обязаны подчиняться. Я в газете читала, – уверенно просветила нас Саният. Мы не стали спорить. «Приговор» звучало торжественно и твёрдо. Нам слово понравилось. Мы решили, что Дружба – это наш пожизненный Приговор и поклялись его соблюдать.

– Винсия, ты где от меня прячешься? – донёсся голос моей мамы. Судя по его громкости, она была где-то близко.

– Ты что, Ламентия, издеваешься над нами? – раздался звонкий, но режущий женский голос прямо за дверью библиотеки.

Мы с девочками быстро обнялись и поклялись, что будем ходить в один и тот же класс и никогда не будем ссориться из-за мальчишек.

В комнату уверенно шагнула яркая, кричаще красивая темноволосая женщина.

Она резко подошла к Ламентии, твёрдо и жёстко схватила дочку за руку и, не обратив ни капли внимания, ни на нас, ни на мою маму, которая стояла в дверях, волоком потянула её за собой, говоря что-то очень громко и сердито. Говорила она на испанском.

Я даже не успела подбежать к своей маме, как их, то есть мам, оказалось на пороге две. Вторая, не моя мама, была высокой голубоглазой красавицей. Чего у неё практически не было, так это талии. Вернее, талия была такой тонкой, а женщина – такой стройной, что многие подиумы были бы счастливы заманить её на свои коварные подмостки. Но одного взгляда на неё хватало, чтобы понять: нет таких денег в мире, за которые она, пошла бы демонстрировать себя жаждущей зрелищ, публике. Женщина казалось укутанной неяркий плащ Мягкого Достоинства.

Саняйт бросилась к маме, но перед тем, как дать себя обнять протянутым рукам, успокоилась и как-то потеплела. Моя мама смотрела то на меня, то на них со своей всегда печальной доброй улыбкой. Я подбежала к ней, зарылась в подол её любимой ярко-синей юбки и показала головой на Саняйт:

– Мы теперь подруги.

Мама Саняйт, которая представилась нам как Лина, тепло улыбнулась и пригласила нас к себе домой. Она пошутила, что День Дружбы надо справлять так же, как День Свадьбы: разделяя радость и еду с хорошими людьми.

– Ну что, Винсия, примем приглашение? – нагнулась к моему уху мама.

– Да, да – запрыгали и закричали мы с Саняйт.

Так я впервые в жизни попала в мусульманский дом. Да не в простой, а в российский, вернее, чеченский. Семья Са-

ният оказалась родом именно оттуда. С Северного Кавказа, из города Грозного, столицы Чеченской республики. Они не были иммигрантами. Отец Саният был уважаемым профессором в области «Сравнительного религиоведения». Так как он говорил на шести языках, включая арабский (на котором даже американские переводчики говорят с трудом), английский, французский и испанский, его пригласили читать лекции в Университет Южной Калифорнии. Так они здесь и оказались. Все, кроме старшей сестры. Она была замужем и жила то в Москве, то в Чечне: её муж был крупным бизнесменом. Специалистом в выведении элитных пород скаковых лошадей. Два старших сына миссис Лины, братья Саният, жили с семьёй в Калифорнии. Один был лётчиком малой авиации. Он давал частные уроки управления лёгкими чешскими самолётками Чесна тем, у кого на это были деньги и время. Второй брат учился. В колледже. Он набирал баллы, чтобы потом поступить в университет.

Обо всём этом мы с мамой узнали, пока шли к припаркованной в самом дальнем углу стоянки, машине миссис Лины. Наши мамы сидели спереди, а мы, кипя от почти лихорадочной радости, которую может подарить только первая, только настоящая школьная дружба, расположились сзади. Мы взяли за руки и начали... что? Конечно, шептаться, чисто по-детски сплетничать и делиться секретами. Говорили мы о Ламентии, вернее, о её маме.

– Как может такая красивая тётя быть такой злой? – горя-

что шептала мне в ухо Саният.

– Не знаю... Может, у неё жизнь такая злая?

– Моя мама говорит, что никогда нельзя ругать жизнь. Нам и так повезло, что мы живём. А **как мы живём**, зависит от нас.

– Моя мама тоже так говорит. Она меня учит быть доброй, но уметь сказать «нет» недобрым и плохим людям.

– А кто твой папа?

– Военный. Он много воевал, не помню сейчас в каких странах... Где-то далеко...

– В Афганистане?

– Точно! А ты откуда знаешь?

– А у меня дома карта над кроватью висит. Мой второй брат хочет стать моряком. Ну, после школы. Так он всю карту наизусть знает. И вообще всё-всё про мир знает. И меня учит.

– Мой папа с этих войн другим вернулся.

– Как это, другим?

– Холодным. Слишком строгим. И... И...

– Ну, говори, что «и...»

– Он как будто нас с мамой разлюбил.

Я заплакала. Тихо, заталкивая слёзы назад, вовнутрь, чтобы они не успевали скатываться вниз печальными ручейками. Тёплая ладошка обняла моё плечо, а русая головка ткнулась своим носиком в мой покрасневший нос. Маленькие пальчики подобрали новые слёзы прямо на выходе, не дав

им скатиться к дрожащим губам.

Это был первый раз, когда Саният приняла в своё маленькое тёплое сердце часть моей большой боли.

Так я поняла, что дружба – это такое благословение, такой подарок судьбы, который нельзя сравнить ни с чем. Даже с первой любовью. С этого момента я знала, что дружба может лечить душу, а может в приступе ревности накинуться на неё как хищница. Дружба может разрывать сердце своей открытостью и откровением признаний. Но она же умеет так сладко растопить все льдинки в душе в момент примирения. Дружба одаряет нас таким уровнем доверия, обмена мыслями, такими смелыми и безумными мечтами, что электризует наш мозг, возбуждает воображение и учит сердце любить и прощать. Ничто и никто не может научить наши сердца быть умными и сочувствующими. Только благородный дар верной дружбы.

Тем временем, мы доехали до дома Саният, вышли из машины и были несказанно удивлены тем, что увидели: нас встречали три симпатичных мужчины с широкими белозубыми улыбками. Самый старший подошёл первым и представился. Это был папа моей новой подруги. Её два брата пожали моей маме руку, склонив головы в уважительном поклоне, а потом один, средний брат, весело подмигнул мне голубым глазом, и мужчины удалились. Миссис Лина предложила нам пройти в женскую половину дома. Само здание было типичным американским домом: вытянутым в длину,

с двумя входами, встроенным гаражом и лужайкой с цветами перед крыльцом.

Но вот задний дворик выглядел по-другому: это был небольшой, аккуратный, умно спланированный огород.

– И что же вы здесь выращиваете? – спросила моя мама.

– Зелень, много разной зелени. Помидоры, огурцы. Свою, настоящую, ароматную клубнику. Чеснок, капусту, черемшу.

– Через что?! – спросила мама, округлив глаза.

– Не через что, а черемшу. Это дикий чеснок. Сейчас попробуете, – рассмеялась Лина.

Мы вошли в большую комнату. Я встала как вкопанная. Я не могла понять, как в таком небольшом доме может быть такая огромная и просторная комната.

– Винсия, что это ты вдруг замолкла? А с глазами что: они у тебя как у неваляшки выкатились и застыли? – продолжала шутить мама Саният.

И тут до меня дошло: комната была обычной, но необычным было почти полное отсутствие мебели и бумажного хлама. В наших американских домах бумаг, файлов, папок будет скоро больше, чем людей. Американцы хранят каждый чек из кофейни. Каждый билет на поезд или самолёт. Все свои налоговые отчёты. Переписку с магазинами, докторами, работодателями и всякого рода бюрократами: депутатами, чиновниками из муниципалитетов и т. п. и т. д., и в таком роде и в таком духе...

В этой комнате был диванчик, что-то наподобие старинного инкрустированного сундучка (в него, я узнала позже, собирали приданное для Саният), толстый ковёр на полу и небольшой столик с низкими табуретками вокруг него. Ни телевизора, ни огромного музыкального центра, ни громоздких шкафов и кушеток. Открытое для общения, душевного разговора и долгого чаепития пространство. Как мне здесь понравилось! Сразу и навсегда!

Наши мамы ушли на кухню, но очень скоро вернулись с блюдами, тарелками, ложками-вилками и большой, ручной работы скатертью.

– Мы вас накормим Жижиг-Галнашем, салатом из свежей и жареной черемши и нашими лепёшками.

– А как они называются? – спросила моя мама.

– Боюсь, вы и не выговорите: хингалш.

– А что внутри этих лепёшек?

– У меня сегодня они с творогом. Домашним творогом. У вас в Америке ни творога, ни сметаны купить невозможно.

– Да что Вы? Сметаны полно, любой...

– Это **вы** считаете то, что вам продают, сметаной. Те, кто из России приехал, чувствуют огромную разницу между настоящей сметаной и тем, что называется сметаной здесь. Так что мы покупаем настоящее молоко у фермера...

– Вы пьёте настоящее, жирное коровье молоко?! – почти с ужасом спросила мама, прервав Лину.

– Конечно! Молоко должно быть от коровы, а не «от паке-

тика» с сухим порошком. И оно должно быть жирное, чтобы из него сделать творог и сливки.

Моя мама разве что челюсть умудрялась придерживать, чтобы уж не выглядеть совсем дикой и невежливой.

На столе, между тем, появилось огромное блюдо с мясом и какими-то белыми колобками вокруг. О, господи, как оно пахло: лугом, промытым дождём и согретым солнцем. Лесной завалинкой в тучный осенний день. Жменькой хрустально чистой воды, набранной в жаркий день из холодного родника. Жарким мексиканским перцем и изысканно тонкими восточными приправами. Альпийскими лугами, источающими мягкий, ни с чем несравнимый, сухой аромат прогретых до последнего лепестка и зёрнышка трав и цветов. Скошенной травой и деревенской проталинкой...

Белые колобки вокруг мяса оказались «галушками». Рядом с мясом появилась супница с бульоном. А к бульону Лина принесла свои творожные лепёшки – хингалш.

Я в жизни так вкусно не ела!!! Даже мама, которая с опаской подносила первую лепёшку ко рту, захохла и «замнямила», едва откусив первый кусок. Наши причмокивания, сладостные «Аааа...», полноротые «Ммммм...» были лучшими комплиментами хозяйке.

Лина не позволила маме помочь убрать со стола. Ловко, красиво и бесшумно они управились с пустыми блюдами вдвоём с Саняйт. А потом мы пили «долгий» чай и разговаривали.

– Лина, Вы самая настоящая чеченка? – спросила мама и покраснела.

– Конечно, чистокровная чеченка. А вы, американцы, какими нас, чеченок, представляли? – с улыбкой поддержала разговор Лина. Её глаза так и брызгали на нас задорными голубыми смешинками.

– Тёмными... Темнокожими, черноволосыми, черноглазыми.

– В общем, сплошная темнота и забитость, – рассмеялась Лина.

– Да нет, что Вы... Не совсем так. Но... по большому счёту... правда в Ваших словах есть, – моя мама смущалась и заикалась всё больше. – Мы только и слышим, как угнетают всех мусульманок. Как одевают в чёрные коконы, которые и одеждой-то не назовёшь. Как девочкам и девушкам запрещают учиться. Как насильно замуж отдают...

Мама остановилась, отдышалась и взглянула на Лину с виноватой улыбкой.

– Что же тут возразить? В некоторых странах так и есть. Но не у нас. Хотя и мы стараемся одеваться красиво, модно и опрятно, но скромно. Очень любим узкие длинные юбки, как на мне сейчас. Я сейчас пройду, а вы все оцените: женственно я выгляжу или нет?

Лина встала и маленькими, соблазнительными шажками, держа спину так прямо, что казалась выше ростом, прошла по комнате. Плыла плавно, очень женственно, ни на секунду

ду не забывая о гордой посадке головы. Это был почти та-нец! Такими женщинами любят. Таких женщин уважают. За любовь такой женщины мужчины борются. Мы захлопали в ладоши.

Лина присела и сказала фразу, которая осталась со мной на всю жизнь:

– Женщины могут полуобнажиться, в знак феминистского протеста, например. Или даже оголиться. На публике. Только ни одну из них это **свободной и счастливой** не сделало. Я, кстати, врач. Кардиолог, – продолжила Лина. В России в санатории работала.

Тут она пристально взглянула на мою маму. Та вздрогнула.

– Я бы хотела Вас осмотреть, – сказала Лина.

Мама молча кивнула, и они вышли в соседнюю комнату.

Когда они вернулись, обе были бледными и расстроенными. В глазах своей мамы я прочла Печальный Приговор. Нет, не приговор дружбы. Совсем другой».

Из эссе « О дружбе» ученицы 12 класса Винсии В.

Глава 6. Верблюд – внедорожник, недетская война и выжить вопреки

Когда я открыла дверь в кабинет истории на следующий день, я тешилась лукавой надеждой, что после моего «блестательного» актёрского дебюта перед картой мира на прошлом уроке, одиннадцатый класс встретит меня по-человечески.

Как бы ни так! Обе принцессы смотрели куда-то в пустоту и с вызовом переговаривались на своём корявом языке.

Люк Скайуокер решил, видимо, придерживаться «тёмной стороны» своего папаши Энакина и мрачно, почти злобно ругался на тарабарщине с Дарт Вейдером. Причём, и принцессы и прочие «войнозвёздовцы» употребляли одни и те же слова. Снова и снова. Как у них самих уши не вяли, не представляю.

Звучало это, приблизительно так:

– Ты зат! Ту дат! Шааа!

– Зат ты ту! Ту зат зад! Шааа!

– Кашшшш!

– Ты кашшшш! Поп зат ты! – и в таком духе, притом с кислейшим выражением на лицах.

Мальчик с бархатными глазами говорил на каком-то, похожим на индийский (огни, анахата, шушасана – доноси-

лось до меня), языке с девушкой за соседней партой. Два подростка-штурмовика шептались на совершенно незнакомом мне языке. И только многодетная чернокожая красавица со смешливыми, ироничными глазами, пыталась докричаться на чистом английском до девочки, которая почти лежала на последней парте. Девочка была чем-то на неё похожа: такие же мелкие, я бы сказала, деликатные черты лица и ироничный взгляд не детских глаз.

Я не очень представляла, что мне делать. Но знала точно, чего мне делать было нельзя. Я даже чувствовала, что и миссис Вия, директриса, очень бы не хотела, чтобы я это делала: обращать хоть толику своего учительского внимания на шутовскую группу в костюмах и заигрывать с ними.

Я поздоровалась. Написала тему урока: «Послевоенный мир: опять война? История в лицах: Судан».

– Как Вас зовут? – обратилась я к девушке на первой парте.

– Сиша

– Вы давно живёте в США?

– Два года.

– Вы сказали, что родились, жили, а потом бежали из Судана. Так?

– Да.

Я повесила на стену большую карту мира, показала, где находится Судан и коротко о нём рассказала.

– Судан – страна с долгой, трудной историей и богатой

культурой. Это страна, которая своими богатствами всегда манила завоевателей. Мастер колониализма, Британия, и, родина древнейших цивилизаций, Египет поделили страну надвое в самом конце девятнадцатого века. С тех пор хрупкий мир в этой стране покинул её окончательно.

– А почему он был хрупким? – спросил на неплохом английском один из штурмовиков.

– Может быть, нам Сиша ответит, – предложила я.

– Настоящего мира у нас никогда не было. В стране живут самые разные племена. Причём, каждое считает себя главным. И постоянно это доказывает оружием. Те, кто занимается разведением верблюдов на продажу, одни из самых богатых.

– Почему?

– Потому что верблюды для пустыни – всё равно, что классный внедорожник для американских фермеров. Только лучше.

– Верблюд лучше внедорожника? Вы там, в Африке, видимо, совсем дикие, – не унимался «штурмовик». Лица за плотной маской было не видно.

– Может, и дикие. Только в 16 лет мы в памперсах не ходим, как ты. От тебя уже пахнет, между прочим. Ещё пару дней в этом дурацком костюме – и от тебя люди будут шарахаться.

Класс дружно захихикал. Все, кроме второго штурмовика. Я не вмешивалась. Мне было интересно, чем это может

закончиться. Да и, по правде сказать, мой культурный шок резко накинудся на меня ворохом мыслей. «Неужели они не снимают свои костюмы даже ночью? А вдруг, меня, русскую, специально послали в класс, где у детей психические расстройства? И почему родители с этим мирятся? И т. д. и т.п.»

А Сиша продолжала:

– Некоторые племена – полностью кочевые. У них женщины даже детей на верблюдах рожают. Не останавливаясь по такому «ничтожному» поводу. Они и, правда, дикие. Тут ты прав – она посмотрела в прорези маски «штурмовика».

– Некоторые народности живут цивилизованно, по берегам рек. Они занимаются сельским хозяйством. Скот разводят. У нас много талантливых людей: художников, ремесленников, строителей. Но мы все говорим на разных языках.

– Но почему? – спросил мальчик с бархатным взглядом.

– Официально, те, кто на Севере, мусульмане, говорят на арабском. Мы, живущие на Юге, должны все говорить по-английски. Так власти требуют. А на самом деле каждый говорит, как может и на чём может. Многие говорят на языке Динка. Другие на Нуаре. И таких местных языков много.

– А ты на каком языке с детства говорила? – спросила вдруг «принцесса Лея».

– На английском и Динка. Ещё я читаю на арабском, но говорю на нём с трудом.

– Ничего себе!!! – подала голос миниатюрная, с приятным

азиатским овалом лица, девочка. Она второй урок сидела рядом с «бархатноглазым», не издавая звука, но слушая почти-точно всех, кто говорил.

– Да уж! Наверное, привираешь! – ехидно «молвила слово» вторая принцесса. – Мы за восемь лет испанский выучить не можем. А она, видите ли, три языка в африканских кустах изучила.

Сиша проигнорировала её, как нечто настолько пустое, что на это и грамма энергии и внимания тратить жалко. Она продолжила.

– Мой папа был известным политиком в нашей округе. Он закончил два университета. Мама была медсестрой. Папа был христианином, чёрным христианином. А моя мама – родом из Египта. А значит, мусульманка. Это она меня арабскому учила. Жили мы в любви и достатке. Хотя вокруг нас войны, большие и маленькие, не прекращались. Они начались между лидерами племён сразу после того, как мы стали свободными. Свободными и от Англии, и от Египта.

– А когда это случилось?

– В 1956 году. Но мир «задержался» на наших землях только на пару лет. А уж когда нефть обнаружили в Бентью, недалеко от нашего городка, война превратилась в настоящую гражданскую войну. Из тех, когда семья на семью, брат на брата идёт.

Тут решила вступить в разговор я.

– Сиша, а что Вы можете сказать об Освободительной На-

родной Армии Юга?

– Она точно не была ни народной, ни освободительной, – мы, люди в Южном Судане так думаем. – Да, конечно, они стали бороться за выход из-под контроля Севера. Потому что там, на Севере страны, где находилась резиденция президента, вскоре был введён Закон Шариата. Север становился всё больше настоящим исламским государством. А мы, на Юге, были христиане. Особенно в тех провинциях, где были школы, больницы, библиотеки. Дети учились на английском. Женщины были уважаемы мужьями и властями. И жить по законам Шариата, как в Средние века, никто не хотел. Но, правду сказать, война началась, в основном, из-за нефти. Почти двадцать лет все воевали против всех: так нам, детям, казалось. Освободительной армии все боялись не меньше, чем правительственных войск.

– Но почему? Ведь эта армия за вашу свободу боролась? – спросил так неожиданно Люк Скайуокер, что все замолчали резко и «громко». Громкое молчание – это такая тишина, когда даже дыхание кажется неуместно громким.

– Я думаю, что война, любая война – межгалактическая, как у вас там, в Звёздных Войнах, или межплеменная, как у нас, – превращает воюющих в бездушных дроидов. В роботов. И очень быстро. Зверства обрушились на простых людей с обеих сторон. Те, кто из Освободительной Армии, стали арестовывать всех мужчин из посёлков и городов. Некоторые пропадали. Большинство насильно становились сол-

датами. Девочек и женщин похищали. Многих отдавали замуж. За военных командиров. Даже десятилетних. Непокорных убивали.

– А с твоей семьёй что было? – неохотно «выдавила» из себя вопрос принцесса Падме. Вероятно, её любопытство оказалось всё-таки сильнее, чем показное высокомерие.

– Папу забрали в Армию. Мама стала ходить в полицию и спрашивать, где он. После третьего раза ей пригрозили арестом. Вечером на наш дом напали: выбили все стёкла, увели скот, подожгли постройки во дворе. А утром следующего дня мы собрали пожитки и ушли. Мы решили добираться до города Джуба, на самом Юге. Там жил папин брат. Мы шли и шли. На третий день кончилась пища. Потом вода.

– А сколько вас было?

– Трое. Мама, моя сестра и я.

– Тебе сколько лет было?

– Мне – двенадцать, сестре – восемнадцать.

– И что дальше было?

– Мама поила нас своей слюной. Капала нам её в рот. Чтобы мы от жажды не умерли. Питались листьями. Иногда находили манго. Траву ели. Наконец, мы дошли до Джубы. Нашли дядю, и он нас принял как родных. Через неделю мама взяла нас за руки, и мы пошли к дороге, по которой пришли в город. Она остановилась, обняла нас и сказала:

– Больше вас я люблю только вашего отца. А он в беде. Я должна идти и быть с ним. О вас позаботятся. А отец –

совсем один.

Она так плакала, когда всё это говорила, что мы и слов то разобрать не могли.

И она ушла. Больше мы её не видели.

Через три месяца война пришла в дом нашего дяди. Пока он отстреливался от солдат правительственной армии, мы с сестрой спрятались в кустах. Там мы просидели весь день, а ночью пошли. Я хорошо знала географию. Мы решили идти в лагерь для беженцев, на северо-восток. Мы шли днём, по жаре, потому что солдаты в это время спали. Было слишком жарко воевать. Они нападали на мирных жителей по ночам и ближе к рассвету. Поэтому ночью мы прятались в кустах. Однажды нас разбудили громкие крики на арабском. Это были правительственные солдаты. Они забрали нас в казарму. Меня поставили чистить туалеты, мыть обувь и собирать хворост для костров. А сестру отдали в жёны командиру.

– Вас хоть кормили?

– Почти что нет. А били каждый день. То не так на них посмотрела. То туалет не выдраила как следует. То на английском с сестрой разговаривала. Поводы были ежедневно. А скоро и меня замуж отдали. Заместителю командира.

Мы решили опять бежать. Дождались дня, когда солдаты легли отдыхать. Мы сначала спрятались в кустах, потом побежали. У нас даже одежды на смену не было.

– А куда, в этот раз, вы решили скрыться?

– Мы опять пошли на северо-восток. Туда, где были Красный Крест и где регистрировали беженцев. Сестра была беременная. Я отдавала ей и свою воду и фрукты, которые мы изредка находили.

– Сколько же вы шли?

– Где-то месяц. Наконец, мы увидели палатки и людей. Идти мы уже не могли. Мы поранили ноги, подхватили инфекцию, и ноги распухли. Страшно распухли. Стали толщиной с наши туловища. Так что к лагерю мы не подошли, а подкатились: мы легли на бок и катились по земле, помогая себе руками. Вскоре нас подобрали. Это оказался военный лагерь Освободительной Армии. Меня забрал в жёны их командир. Сестру заставили работать прачкой и поваром. Но она не могла. Её ноги становились всё толще и очень болели. Тогда её били. Я решила, что сбегу в соседнюю деревню, видневшуюся с холма, и найду доктора или лекаря.

– И тебе удалось? – шёпотом спросила принцесса Лея.

– Да. Хотя и у меня ноги ещё болели, но я доковыляла до деревни. Там нашла лекаря. Его звали Амос. Амос дал мне мазь и отвар. Он велел мне исхитриться и «доставить» сестру к нему в дом, чтобы вылечить её до конца. Через пару недель сестре стало лучше, и мы решили бежать в деревню. К Амосу.

– И что?! Неужели удалось? – громко, с уважением вскрикнул сам... Дарт Вейдер!

– Удалось. Мы стали жить у него. Амос же и роды у сестры

принял. Родился мальчик. А меня вскоре Амос взял в жёны. Я его за это стала ненавидеть! А тут ещё он, то есть Амос, начал возмущаться тем, что младенец слишком голосистый. Он даже сестру пару раз избил: дескать, младенец спать ему не даёт. Когда ребёнку было месяца три, в дом лекаря нагрянули солдаты. Первым в хижину ворвался мой муж, заместитель командира отряда. Ни слова не говоря, он взвёл курок своего пистолета и прицелился в моё сердце. Так мне казалось... Что прямо в сердце.

– Он успел выстрелить?

– А где была сестра?

– А ты хоть на пол упала?

Резкий, режущий уши звук заставил всех вздрогнуть. Но это был всего-навсего дерзкий и громкий школьный звонок.

Всё, – сказала я. – Урок окончен. Мы очень благодарны Сише за то, с каким мужеством и достоинством она делится с нами своей историей. Мы дослушаем её на следующем уроке. И... спасибо всем.

Выходя из класса, я заметила, что штурмовики что-то яростно обсуждают, а Дарт Вейдер снимает свой плащ, капюшон и маску, закрывавшую глаза. И тут я его узнала! Это был точно он! Меня охватила неловкость смятения. Почти детский страх, глупый в сущности, но угнетающий тем, что ты не знаешь, как вести себя в такой ситуации.

Я вышла в коридор, вздохнула и решила, что следующий

урок сам даст мне нужные подсказки. И успокоилась.

Глава 7. Счастье на колёсах, засада для старосты и вечеринка трёх сюрпризов

Социология была последним уроком в двенадцатом классе. В том самом, где я была «наставником». Урок прошёл быстро, легко и весело. Мы разговаривали о счастье. Но так как день был не совсем обычный – у старосты Джесса был День рождения, то разговор получился несерьёзным и шутивным.

Двадцати двум учащимся из двадцати семи (столько было в классе) хватило бы новой «крутой» машины, чтобы почувствовать себя по-настоящему счастливыми. Однако, семи оставшимся этого было мало. Они хотели мира, любви и взаимопонимания в своих семьях. В своих очень неблагополучных семьях.

На втором месте по популярности была мечта поступить в престижный колледж или университет. В Америке ежемесячные результаты тестов отсылаются во все высшие учебные заведения. Так что к двенадцатому классу выпускники получают приглашения из тех вузов, которым они «приглянулись». Часто «взаимной любви» не случается. Студент хочет в один колледж, но там ему не предлагают ни стипендии, ни работы, чтобы оплачивать образование. Обещают только

дешёвый кредит, который он/она будут выплачивать почти пожизненно. Не меньше 25—30 лет. Мне даже страшно подумать, что случится, если в какой-то период (за эти 30 лет) выпускник окажется без работы. Я встречала таких людей. Они продают всё, чтобы расплатиться с банком: дома, машины, мебель. Потом начинают с нуля. И даже не жалуется. Говорят, что это возможность почувствовать себя молодым, голодным студентом и предпринять «свежий старт». За это я американцев очень уважаю.

Но **своим** детям такого бы не пожелала. Ни за какие «свободы»: слова, печати или ношения оружия. Я лучше бы попридержала язык (тем более, что никого не волнует моё «свободное мнение»), но была уверена, что детям и внукам не придётся однажды сидеть на узлах перед бывшим домом и объяснять своим детям, что в свободной стране ты свободен умереть с голоду или жить в ночлежке.

Желание быть счастливым в любви оказалось на седьмом месте. О своей семье, как о возможном центре счастья, не мечтал никто. Американцы задумываются об этом после тридцати пяти – сорока. Может быть, по этой причине большинство американских пап старые, скучные и важные. Они всегда во что-то «погружены»: в бизнес, работу, банковские долги и счета. Многие из тех, кого я встречала, неприступны для детей и почти всегда недоступны для жён.

Была, правда, одна девушка в этом классе, для которой любовь, и только любовь, казалась единственным правиль-

ным местом, где люди находят и своё счастье, и себя самих, настоящих, – но этой девушки на уроке не было. Это была Ламентия. И в данный момент Центр коррекции умственно-го здоровья как раз занимался тем, что корректировал эту её «наивную, эмоционально незрелую и по сути опасную» веру в целительную силу любви.

В начале урока мы коротко поздравили Джесса и отпустили его к отцу. Тот позвонил мне рано утром (он был уважаемым шерифом нашего округа) и попросил об одолжении: сказать Джессу, что его срочно хочет видеть отец, но не говорить, почему. Я догадалась, что речь шла о каком-то необычном подарке такому прекрасному, правильному, всегда ответственному сыну, каким был наш староста. Так что, когда отличница Софья вышла к доске и попросила желающих сказать пару добрых слов о Джессе, поднялся лес рук.

– С ним все считаются: и учителя, и тренер бейсбольной команды, и мы – твёрдо сказал единственный чёрный мальчик в классе. Его хитроватые глаза светились добрым уважением.

– Он всегда выручит, – добавил Фанки.

– Он – лучший питчер в округе. Только он может заставить команду бегать 10 раз по лестницам трибун на стадионе, когда воздух такой горячий, что вздохнёшь – и как крапивой по горлу полоснули.

– Он не употребляет грязных слов в разговоре с девочками.

– Он умный и много знает. Правда, списать ни за что не даст, но помочь эссе по-честному написать – не откажется.

– Он в нашей бейсбольной команде – лучший! Сколько раз игру спасал! Даже когда уже никто не надеялся.

– Он симпатичный, – лукаво подмигнув Джессу, пропела Тришка.

Тут я вспомнила, что пару раз видела Джесса, прикрывающего лицо капюшоном и чёрными очками, на последних скамейках спортзала, когда там проходили соревнования девочек по боксу. Мне показалось, что его глаза были «замагничены» на крепкой фигурке нашей Тришки: каждый её пасс, каждый выпад, подскок и оборот мистическим образом «управляли» головой Джесса. Она, голова, толкала вдруг челюсть вперёд. Или неожиданно резко дёргалась назад, как будто уворачивалась от удара. Иногда всё тело старосты подпрыгивало, и было видно, каких усилий ему стоило не броситься на арену и не «вырубить» окончательно соперницу Тришки.

При словах Тришки Джесс пошёл розовыми пятнами. Я решила его «спасти» и сообщила, что его срочно ждёт отец.

– Увидимся! – широко улыбнулся всем Джесс и поспешил к своей машине. Ездил он на стареньком Форд Фокусе. Его родители старались не баловать своего «успешного» сына и поощряли все его попытки начать зарабатывать деньги самому. Три раза в неделю Джесс развозил газеты. Ему прихо-

дилось вставать около часа ночи, чтобы до двух успеть в редакцию и забрать свежие пачки популярных изданий: ведь подписчики привыкли находить свежие новости под своей дверью к четырём утра. По воскресеньям он подрабатывал промоутером. Одетый в костюм Микки Мауса, он приглашал детей на детские сеансы, в кафе мороженное или просто фотографировался с малышами и туристами. Один раз в неделю он работал волонтером в школьной библиотеке. Ему там не платили, но в его характеристике, знал Джесс, будет подробно написано, как профессионально он помогал иностранным учащимся работать с каталогом и находить нужную информацию в интернете. Джесс действительно был замечательным парнем.

Некоторые, правда, думали, что дружить с ним не получится. И никогда не получится.

Как говорила другая «звезда» школы Софья, он был слишком, даже чересчур правильным. А, значит, скучным и нудным.

В своей повести «Записки из подполья» Ф. М. Достоевский заметил, что общество, любое общество, никогда не будет полностью хорошим, благополучным и правильно организованным. Причина в том, что каждый отдельный человек имеет право на «каприз». На что-то, что государство не приветствует, люди вокруг тебя не понимают, а общественная мораль осуждает.

Но вот беда! Без этого «каприза» каждый, по отдельности,

чувствует себя несчастливым. Капризы у нас разные. Значит, и тащат нас эти капризы в разные стороны. Какое уж тут общественное согласие и всеобщая «нирвана» благополучия!

Так вот... Когда мы обсуждали эту проблему на уроке, Софья заметила:

– Это Достоевский погорячился... Насчёт того, что **каждый** свой каприз имеет. Он нашего Джесса не знал! Если бы общество состояло из таких, как Джесс, мы бы точно умерли со скуки в «раю всеобщего благополучия и единства».

– А ты что, считаешь, что надо поощрять всякие капризы? Все беспорядки с них начинаются. А заканчивается всё анархией и бунтом.

– А чем всё заканчивается, если наши капризы и маленькие прихоти насильно в себе прятать и подавлять? – не сдавалась Софья.

– Депрессией в каждом четвёртом американце, – поддержала подругу Тришка.

– Стрельбой по одноклассникам и учителям, – вставил своё слово Фанки.

– Националь, сидящей на таблетке счастья. Я имею в виду всем известное лекарство, – прогнусавил Боб

– Наркотиками, – тихо, но очень жёстко сказал черноглазый, чернокожий, очень яркий в своей небесно голубой парке с капюшоном Рой.

Я вспомнила эту дискуссию, провожая взглядом скрывшегося за дверью нашего уважаемого старосту.

Вечером мы готовились устроить «surprise party» в его доме. Вернее, во дворе. Мама Джесса идею поддержала: она тоже переживала из-за того, что её такой серьёзный, хороший мальчик не имел настоящего друга. Поэтому она приветствовала всякие розыгрыши и шутки, надеясь, что Джесс хоть на время забудет о том, как **надо и как правильно** и будет веселиться, как **получится и как захочется**.

Винсия и Саният, которые тоже учились в этом классе, извинились за то, что не смогут помочь в организации вечеринки, и поехали с мамой Саният в больницу к Ламентии. У неё накануне случился нервный срыв после посещения матери и брата. Как выразилась Тришка:

– Когда у тебя нарыв, легче станет только после того, как он прорвётся. А у Ламентии мамаша с братцем – это особый вид нервного вируса. Называется «стервозник». К кому прилепится – у того и «нервный нарыв». Естественно, что он прорывается наружу в виде «срыва»: нервная система так себя защищает. Ведь от яда надо очищаться... Вы там Ламентию не журите за её срывы. И передайте ей, что мы её понимаем и любим.

Девочки ушли. Я принялась за проверку эссе. Читать, что думают мои взрослые ученики о любви, было так интересно, что я забыла о времени.

Джесс вошёл в большой строгий кабинет отца. Он не был уверен, чего ждать от этого внезапного вызова, но надеялся на приятный сюрприз. Он втайне думал, что отец полу-

чил ответ из Массачусетского Технологического Института. Положительный ответ. С приглашением стать студентом их сына Джесса Н. с предоставлением стипендии на весь курс обучения.

Но у отца в руках не было никакого конверта. На правой вытянутой ладони лежали какие-то ключи. Джесс замялся, не зная, что сказать. Отец широко раскрыл руки, подошёл к сыну и, неловко обняв и похлопав по плечу левой рукой, протянул правую Джессу.

– Это твои ключи от новой машины, сынок. Ты заслужил хороший мужской подарок к восемнадцатилетию. Мы с мамой так гордимся тобой, сын. Я – особенно!

У обоих мужчин повлажнели глаза. Именно ради таких моментов и жил, в сущности, Джесс. С ранних лет он знал, в чём цель его жизни. Быть лучшим! Быть первым! Быть правильным! Быть отцовской гордостью! И он сделал это!

Отец подвёл его к окну. Перед полицейским управлением, выделяясь как белый лебедь среди чёрных уток полицейских машин, горделиво сверкал белизной новенький Ниссан GTR. Машина, которая стала мечтой стольких американских подростков после реалити шоу «Большой тур». Джесс ещё раз обнял отца. Расплывшись в почти детской, мальчишеской улыбке, он сбежал вниз, на парковку и под радостный полицейский хор «Happy birthday to you!» сел в машину.

– Ну, сынок, с богом! Ты знаешь, как вести себя за рулём и на дорогах. Помни, что твой отец не совершил ни одной

аварии за 32 года вождения. Будь достоин нашей семейной традиции.

Джесс газанул, счастливо помахал рукой «хору полицейских» и рванул вперёд. Он решил добираться до дома по безупречно гладкой, скоростной 75ой трассе. Напевая любимую «дорожную» песню отца «Hit a road Jack...», Джесс старался не разгоняться больше, чем 70 миль в час, но на новой машине это оказалось делом трудным. Автомобиль летел как ласточка: казалось, колёса вот-вот потеряют сцепление с дорогой, и он будет парить над идеально ровным полотном. Он даже ударил лихо по рулю и, подпрыгнув, неожиданно для себя самого заголосил песенку из известного клипа «And I am happy!» Я счастлив! Для полного счастья, однако, чего-то не хватало. Может, каприза, о котором «развела» дискуссию миссис Ти? Ну да русские всегда всё усложняют. Им всегда чего-то не хватает для счастья. Джесс задумался. Но ведь и ему явно хотелось чего-то ещё, чтобы быть совсем счастливым. Может, русский писатель прав.

И тут он понял, что было его, только его, Джесса Н. капризом. Но впустить это «озарение» в ум, душу и сердце он не успел. Пришлось сосредоточиться на быстрой смене полос. Со скоростной левой ему надо было срочно перестроиться в крайнюю правую и приготовиться к выезду на сто первую окружную дорогу. А оттуда рукой было подать до дома. Он решил обдумать свой каприз чуть позже. Однако, оказавшись на родной «старушке» 101, он с трудом поверил сво-

им глазам: правая полоса, которая ему была нужна, была перекрыта. Какой-то жёлтой в крапинку лентой. Такой, какими в фильмах огораживают место преступления. За лентой что-то лежало. Нечто, похожее на куль.

Джесс с сожалением заглушил мотор и вышел из машины. В следующую секунду на него набросились три человека в масках, чёрных, армейского стиля плащах, и таких же чёрных беретах. Джесс успел заметить, что они выскочили из густых кустов на обочине. Потом он отключился: глаза закрыла чёрная повязка. Тело оказалось туго связанным верёвками. Во рту кляп. Он чувствовал, как его куда-то волокут. Бандиты тихо переговаривались, а один даже подхахатывал. Джесс ощутил царапающие пальцы на лице. Это могли быть ветки кустов ежевики, щедро растущей вдоль дороги. Тело ныло от врезавшихся верёвок. Но он, спортсмен, мог эту боль просто не замечать.

Ужас заморозил его волю в тот момент, когда он услышал звук взревевшего мотора своего Нисана. Звук быстро удалялся. Скоро он совсем затих. Но тут взревел всей мощью молодого натренированного тела сам Джесс. Это не помогло. Тряпка и не думала покидать его рот. Тогда он стал копить слюну и мочить то, что было во рту. Он надеялся, что сумеет напрячь лёгкие и вытолкать языком и потоком воздуха мокрый и скользкий кляп. Одновременно он подставил руки под острые ветки и стал перетирать верёвку. Он понимал, что у него может ничего не получиться. Но голос тренера: « Ты

это сделаешь, сынок!» заряжал его злым упрямством.

Компания «отрывалась» по полной. Радио переполняло салон звуками последних «дорожных» хитов, мотор работал, как сто раз проверенный ракетный двигатель, а дорога была нереально пустая для этого времени дня. Солнце уходило с дежурства, лениво перебирая лучами по вершинам зелёных холмов. Сладкий океанский бриз добрался, наконец, до раскрытых окон машины, но остудить слишком раскалённые головы угонщиков ему не удалось. Пассажиры на заднем сиденье завопили в два голоса простенькие слова очередной глупой песни, и автомобиль рванул вперёд ещё мощнее. Никто и не подумал остановливаться, когда окрестности наполнили громкие полицейские команды.

– Нисан Жи Ти Ар! Немедленно прижаться к обочине и остановиться! Повторяю...

Друзья ничего не слышали, потому что никак не ожидали услышать нечто подобное. Ведь всё было продумано до мелочей.

Но об одной «крупной мелочи» они не знали. Прежде чем благословить сына в дорогу, его папа установил в машине жучок. На всякий случай... Подростки такие непредсказуемые!

Когда шериф, он же отец Джесса, увидел тех, кого полицейские выводили из машины, он остолбенел. Он, крутой коп, повидавший за свою службу всякого и разного, застыл, как перепуганный на смерть мальчуган. Говорить он не мог.

Да и говорить было нечего. Такой безобразной, невероятно наглой ситуации он и в мыслях не допускал. Его руки сами сложились в могучие кулаки-кувалды, и он медленно, глубоко дыша на каждом шаге, подошёл к одетым в чёрное угонщикам.

– Где Джесс? – прорычал он, оставив все выяснения на потом.

– Там, в кустах... Ну, сразу после съезда с семьдесят пятой...

Пока двое полицейских упаковывали хулиганов в свою машину, отец именинника круто развернул свою Тойоту и умчался в обратном направлении.

Джесса на обочине дороги не было. Шериф нашёл примятые и местами сломанные кусты ежевики, след и вмятины от тела, которое либо ползло, либо волочилось по земле в чьих-то руках, но никаких следов крови или борьбы не обнаружил.

Отец пропавшего парня расправил плечи и, не давая себе и секунды на размышления, почти взмыл над дорогой по пути в полицейский участок.

Глава 8. Четвёртый лепесток, парашют любви и мистер очарование

«Я всегда была четвёртым лепестком в ромашке», – сказала я.

– Как это так – четвёртым лепестком? – не поняла Винсия.

– Ну, ты же знаешь, как гадают на ромашке: любит – не любит. Так вот, если у ромашки только четыре лепестка, то всегда получается «не любит».

– А на кого ты гадаешь?

– Да ни на кого. Это я – четвёртый лепесток. Это меня никто никогда не любил. И не полюбит.

– С чего это ты взяла, что тебя не любят? А мама? Брат? Папа?

– Я – случайная дочка. Так мне мама объяснила, когда первый раз на улицу выгнала.

– На улицу? А сколько тебе лет было?

– Четыре. У неё ухажёр был. Богатый. Злой. Все в нашем баррио его боялись. Он пришёл, она меня и выгнала. Хотя знала, что в нашей деревне неспокойно. Стреляют.

– У вас что, война была?

– Почти. Всё из-за подпольной торговли. Мы же в Мексике прямо на границе жили. То в кустах стреляют, то ря-

дом с дорогой взорвётся что-нибудь. Я убежала в овраг, неподалёку. Нашла там пару кустов, под ними и спряталась. Было очень жарко. Я голову под нижние ветки просунула, а ноги под себя поджала. Так и пролежала до вечера. Пока не стемнело. Пить очень хотелось. Прямо умирала от жажды. Но не шевелилась. А домой к ночи вернулась

– И мама тебя не искала?

– Нет. Ещё накричала, что рано пришла. Гость её всё никак не уходил.

– Жених, что ли? У тебя мама очень красивая. Как с конкурса красоты...

– Она и была королевой красоты в школе. Или позже. Не знаю. Знаю только, что папаша моего брата тогда её к себе в дом и забрал. Но не женился. Скоро он её с ребёнком из дома выкинул. Так она рассказывала.

– А **твой** папа? Он куда делся?

– Он был американцем. Бабушка говорила, что он в маму сильно влюбился. Потом уехал. В Америку вернулся. Писал маме, но она почему-то запретила о нём говорить. Даже имени его слышать не могла. А мне сказала, что я – случайный ребёнок, о котором она бога не просила.

– Странная история. А ты письма его не пробовала тайком почитать?

– Мама эти письма сжигала. И когда жгла, злобой исходила. Ненавистью. А иногда казалось, что она боялась его писем.

– Ну, может, хоть одно сохранилось? Мы бы папу твоего нашли. Он бы так обрадовался, узнав, какая умная и красивая у него дочка.

Я заплакала. Бабушка осталась в Мексике и здесь, в Соединённых Штатах я была с матерью, которую ненавидела, и братом, которого боялась. Деньги на переезд собрал брат. Он надолго исчезал из нашей деревни. Потом появлялся. Иногда с молодыми красивыми девушками. Каждый раз с новой, и каждый раз говорил, что это его невеста. Потом они уезжали в город. Обычно на 2—3 месяца. А возвращался он всегда с деньгами либо один, либо с новой «невестой».

Была ещё одна вещь, которую я не понимала. Мой брат ненавидел моего отца даже больше, чем мать. Называл его не иначе как «америкос» и запрещал бабушке даже вспоминать о нём.

Я работала с малых лет. Вот уж «кто» меня любил – так это работа. Улицы мела. В подъездах кондоминиумов убиралась. Булочки из пекарни клиентам в пять утра разносила.

– Ламентия, милая, но здесь, в Калифорнии, тебе стало легче жить?

– Труднее. Да, всё изменилось, когда мы приехали жить в Америку. Здесь я встретила тебя и Саният. И, к своему несчастью, поняла, что такое дружба и любовь.

– Но почему «к несчастью»? Я так и обидеться могу, – ничего не понимая, возразила Винсия.

– Всё просто. До этого я не знала, как сильно меня **не лю-**

бят. Почувствовав любовь, я поняла, что такое «абсолютная нелюбовь». Теперь, когда я встречаю любовь, то радоваться долго не умею. Потому что там же, где парит парашют любви, во мне всегда летает белый, намертво оторванный от цветка, лепесток «нелюбви».

– Слушай, Ламентия, ты так красиво и изящно говоришь! Ведь и правда, любить – это как на большом розовом парашюте в небе лететь. И дух захватывает, и сердце холодеет, и голова кружится от счастья. И всегда немного страшно: а вдруг счастье кончится, стоит на землю опуститься? А вдруг не удастся благополучно приземлиться?

– Ты тоже об этом думаешь? Хотя бы иногда?

– Конечно! Только вот выразить свои чувства так, как ты, не умею. У тебя писательский талант. Тебе надо записаться на курс «креативного, творческого письма».

– Уже записалась. А ещё не факультатив по русской поэзии. Мне Лермонтов очень нравится. Я думаю, что он был таким же несчастливым, а, может, и нелюбимым как я. Только в тысячу раз умнее.

– Ух ты! Будет о чём поговорить в нашей любимой комнате, дома у Санянт. А я сейчас религиозные источники на трёх языках читаю.

– Это на факультативе по «Сравнительному Религиоведению»?

– Да. Так интересно! Коран читаю на арабском. Библию на латыни и английском. А Пятикнижие на иврите. Юмор

в том, что ни на одном из этих языков я не говорю.

– А я никак не могу дописать сочинение-рассуждение о любви. По социологии. Ладно, пора взять себя в руки и закончить его. Я побегу в библиотеку. Увидимся у Саният.

– Слушай, Ламентия, пожалуйста, принеси своё эссе к Саният. Почитаем вместе. Пospорим.

– Я подумаю. Было бы что нести... Пока!

Глава 8. Четвёртый лепесток, парашют любви и мистер «очарование»

«День, когда я родилась, был влажным, серым и печальным. Так, во всяком случае, говорила моя бабушка. Над нашим посёлком висела мелкая сетка мокрой взвеси. Таких маленьких капелек, которым не хватает силы превратиться в дождь и упасть на землю, блаженно расплзаясь лужами и ручейками. Таких робких и испуганных, что им не хватает смелости прицепиться к пузырькам воздуха, налиться светом и влагой и зашуметь весело и беззаботно, тарабаня по крышам, игольчато щекоча листья деревьев и нежно умывая цветы и травинки.

Я иногда думаю, что уныние, расплзшееся по нашей деревне в тот день, умудрилось «пометить меня», прикоснувшись к сердцу своей вялой липкой рукой. С того самого момента, когда я осознала себя человеком, а было мне четыре года, я чувствовала, где во мне живут уныние и тоска. Сначала они были маленькими и трусливыми. Но я росла, и они росли вместе со мной. Они, правда, очень испугались и да-

же решили сбежать, когда я вступила в «Приговор Дружбы». Винсия и Саня так согревали меня своим сочувствием и пониманием, что, тусклые по своей природе тоска с унынием, хитро уползали в свои убежища и сидели там смиренно. До поры до времени. Потом накидывались на меня с новой силой. Уныние гасило все яркие мысли и мечты. Оно исподтишка, коварно и незаметно растворяло их в скучной и промозглой влаге сомнения. А тоска любила подкрасться к сердцу и, привечая его притворной заботой, принималась за генеральную уборку. Она начисто выметала из него радость и надежду, а в освободившиеся уголки тут же просачивались печаль и безверие.

Но однажды всё изменилось. Мне было 14 лет, когда я встретила Его. Он был братом школьной знакомой, которой я помогала с испанским языком. Он был старше. Он был умнее. И он был счастливее меня по натуре. В его глазах всегда плясали искорки смеха, а лицо украшала неизменная дружелюбная улыбка. Лицо было неправильным, но притягивающим к себе взгляды всех девушек. Глаза, голубые, как не проснувшееся до конца небо, смотрели на собеседника с забавным интересом. Он как будто радовался каждому новому встречному, потому что каждый новый встречный обещал новые тайны, новые чувства и новый опыт. Было невозможно не улыбнуться ему в ответ. Было немислимо не заговорить с ним после первого приветствия. Было неправильным не раскрыть ему душу. Было невообразимым

не разрешить ему прикоснуться к себе. Поэтому я ему сдалась со всей мыслимой, воображимой и возможной радостью. И была уверена, что это – правильно.

Я чувствовала себя нужной. Я думала о себе, как о ценности, которую открыл во мне Он. Я ходила в школу с глупейшим выражением «всемирного счастья и благоденствия» на лице. Я даже избегала встреч с подругами, боясь потерять хотя бы минуту из того времени, которое могла дать ему. Я продолжала работать в кафе три раза в неделю, но даже там всё изменилось. Потоки моей доброжелательности прямо-таки «дырявили» карманы посетителей, и они оставляли мне всё больше чаевых. Те, кто помоложе, неуклюже просили меня о свидании. Те, что постарше, обращались ко мне «дочка» и спрашивали, где меня так хорошо воспитали.

Но самое невероятное было впереди. Однажды Он заехал за мной домой. Мы собирались в кино. Моя привычно недовольная мамаша вышла меня проводить. Он стоял на крыльце, и, увидев её, заулыбался с таким искренним изумлением, так ловко поцеловал ей руку и смущённо заглянул в её глаза, что она выпрямилась, как на кастинге перед камерами и заворковала голосом весенней певчей птички. Вечером, когда я вернулась, мамаша даже буркнула о Нём пару одобрительных фраз.

Так я летала, парила, совершала самые рискованные пируэты на своём первом парашюте любви. Я не думала об искусстве приземления. Я не вспоминала о стропях безопасно-

сти. Я выбрала «не думать» об опасностях падения. Я просто многого не знала и не понимала в свои 14 лет.

Я не знала, что очаровательный мужчина очаровывает всех. Я не хотела думать о том, что очарование для всех означает отсутствие любви для одной. Я в упор отказывалась замечать, что Он назначает встречи всё реже. Я беспечно верила Ему, когда он исчезал на пару-тройку дней: работа есть работа.

Я так и не приземлилась. У меня даже не было шанса коснуться ногами твёрдой, пусть и недоброй, земли. Я просто упала в такое гнилое болото тоски, из которого до конца мне выбраться так и не удалось.

Часть I сочинения-рассуждения «О любви» ученицы 12 класса Ламентии С.

P.S.

Уважаемая миссис Ти! Диалог с Винсией включён в эту работу с её согласия. Я обещаю написать вторую часть на следующей неделе».

Я грустно вздохнула и положила в папку эссе Винсии о дружбе и сочинение Ламентии о любви. Доктору Хат они могут оказаться полезными.

Тихо и грустно захлопнулась за мной дверь класса. Но тут громко и заливисто затараторил мой телефон.

– Это Миссис Ти? – голосом шерифа прорычала телефонная трубка.

– Да. Это я.

– У школы Вас ожидает полицейская машина. Выходите, садитесь, не задавайте глупых вопросов и . . . Мы Вас ждём.

– Где ждёте?! Кто ждёт?! – но трубка недоумённо молчала. Я поспешила к выходу.

На парковке действительно стоял всем известный автомобиль самого шерифа. За рулём сидел незнакомый мне полицейский. Я молча расположилась на заднем сидении, промямлила «здравствуйте, сэр», и автомобиль рванулся с места, как безумная крышка с перекипевшего чайника.

Глава 9. Сюрприз №2, трусы в полосочку и торт из Канады

Машина остановилась так же бесцеремонно и неожиданно, как десять минут назад сорвалась со школьной парковки. Меня потряхнуло, да так грубо, что я чуть не прикусила себе язык.

– Это нехороший знак, – кольнуло в мозгу. – А, может, наоборот? К тому, что язык надо попридержать в безопасном месте и сильно им не размахивать?

Эти мысли меня развеселили, и в полицейский участок я вошла в хорошем, задорном расположении духа. Моё настроение подскочило до шкалы «Ух ты!», как только я прислушалась к звукам, доносившимся со второго этажа. Я поняла, что меня позвали на репетицию. Скорее всего, здесь последний раз «прогоняли» мини спектакль для именинника Джесса.

– Я всяких оболтусов повидал!!! Я злодеев всех марок и калибров обезвреживал!!! Но такого...??!! – бархатистые раскаты густого, хорошо поставленного баритона, почти оглушили меня.

Вероятно, репетировали какую-то сцену на ферме или в цирке. Тоненькое бляение и, похожее на лисье, жалобное тьякканье грустно затянули свою партию, как бы подчёркивая

властную мужественность основного героя.

Интересно, чего они от меня хотят? – мелькнуло в голове. – Может, я им на роль мудрой черепахи или злодейки вороны нужна? – развлекала я себя глупыми догадками.

В тот момент, когда моя нога шагнула на облезлый пол коридора, за дверью справа раздалось:

– Но это же часть Сюрприза! Всё вышло круче, чем ожидалось! – «разразился» менее бархатным, но тоже очень сочным и уверенным баритоном второй герой.

Я вошла в комнату. Прямо напротив двери сидели арестованные злодеи. Я поняла, что они арестованы, разглядев наручники на уныло лежащих на коленях руках. То, что именно они и есть злодеи, было легко понять, поймав испепеляющий взгляд шерифа, обращённый к трём поникшим лицам. Ну а догадаться, как зовут злодеев, не составляло труда даже мне: Фанки, Боб и Печальный призрак. Смущало только их облачение: длинные полувоенные френчи, дурацкие чёрные береты и под этим всем...

потрёпанные, рваные, как того требовала мода, непомерно огромные, мешковатые джинсы.

– В этом спектакле все роли уже заняты, – поняла я. – Зрителей не хватает! И злого театрального критика. А, может, наоборот, доброго.

Действие, между тем, продолжалось.

– Как ты посмел связать моего сына и угнать новёхонькую машину?! Это же ты всё придумал?! Ты же у нас глав-

ный школьный клоун! Джокер №2! Так ты себя называешь?! – дрожжи гнева раздули щёки шерифа до ушей. Гордый крючковатый нос неведомым образом «обкурносился», и дырки ноздрей угрожающе приподнялись, извергая горячее презрение. Они казались двумя дополнительными глазами, сверлящими подозреваемого.

Фанки, которому адресовался яркий монолог главного героя, опять невнятно заблеял.

– Встать, когда с тобой шериф разговаривает! В камере, на нарах насидишься!

В обычной ситуации новомодные джинсы-мешки обязывали героя лихо втянуть носом воздух, издавая как можно более неприличный звук, а следом также лихо, особым жестом подтянуть джинсы и подняться с места, нацепив наглухо, туповатую ухмылку на небрежно открытый рот. Но не сейчас...

Фанки проворно вскочил, джинсы резво и весело поехали вниз, и нам предстали вполне семейные широкие трусы в жёлто-голубую полосочку. Трусы выглядели нарядно и, главное, безобидно. На них все и усталились.

Хохот, более напоминающий гоготание молодых гусей на воле, развеселил даже решётки на окнах. Они закрипели, задрожали и пустились беззаботно дрыгаться и дребезжать, поддерживая компанию. Громче всех смеялся шериф. Он не мог даже стоять на месте. Согнувшись пополам, он переползал из одного угла комнаты допросов в другой, держась

за всё, что попадалось под руку. Даже моему хвосту на голове досталось. Мой слишком натуральный крик и прекратил эту вакханалию.

– Так вы что, такие простенькие и глупые, что поверили в ваш арест?! Или вы вообще не американцы, чёрт бы вас побрал?! Вы же знаете, что настоящая вечеринка-сюрприз, это такая, где первый сюрприз выглядит «невинным сюрпризиком», а вот второй, тот которого никто не ожидает, – это и есть сюрприз!

– А третий бывает? – почти со страхом спросила я, хотя на тот момент не понимала ничего ни про первый, ни про второй. Я просто подумала, что, может быть, меня в качестве третьего пригласили. Что там после ареста следует?! Ага, тюрьма. А что? Все на вечеринке спрашивают:

– А почему миссис Ти не пришла? Может, с ней что-то случилось?

И тут раздаётся звонок из полиции (а, может, из центра психического нездоровья, благо, что он рядом с участком):

– Ваша учительница у нас. В камере. Демонстрировала буйное поведение. Выпустим под залог в 5 тысяч баксов. Собирайте... собирайте...

Мои нездоровые фантазии прервал Джесс. Захлёбываясь от восторга, он рассказал, как классно его упаковали в верёвки, кинули в колючие кусты и угнали его красавицу! Новехонькую модель Nissan GTR.

Когда его отец прибыл на «место преступления», сына он

там не обнаружил. Это был единственный момент, когда он действительно испугался.

Джесс объяснил, что в их бойскаутском отряде 112А были японские школьники. Они и научили бравого старосту выпутываться из самых тугих пут. Джесс на ощупь нашёл особую колючую ветку и стал спокойно, но сильно перетирать верёвки на правой руке о колючки. Как только он освободил руку, развязать остальные верёвки оказалось делом пяти минут. Он выбрался на дорогу, остановил машину и добрался до полицейского участка ещё до того, как туда доставили арестованных «угонщиков». Джесс был совершенно счастлив! Джесс пылал благодарностью и симпатией к друзьям, которые устроили такой незабываемый День Рождения. По-немногу все расслабились и успокоились. Основным героем всё же был шериф, так натурально разыгравший арест и неминуемое наказание обнаглевших злоумышленников. Сюрприз №2 удался!

Между тем, телефон в «допросной» не умолкал. Звонили шерифу, допытываясь, куда пропал Джесс. Он должен был приехать домой где-то с час назад. Все гости, не говоря о маме, заволновались и обзванивали всех подряд: соседей, школу, полицию.

Надо было торопиться и успокоить собравшихся гостей. Тем более, что Сюрприз-пати только начиналась.

Я ехать со всеми не собиралась. Мне надо было доставить в больницу творческие работы Винсии и Ламентии. Возмож-

но, доктор Хат их ждёт не дожждётся. Извинившись и поздравив ещё раз Джесса, я намеревалась тихонько ускользнуть. Не тут-то было! Мягкая, но тяжёлая рука шерифа прилепила мои ноги к полу.

– Что это Вы, миссис Ти, как ящерица от крокодила уползаете? Вас у нас дома столько детей ожидают! Да и моя супруга кое о чём хотела с Вами пошептаться.

Я извинилась ещё раз и объяснила ситуацию. Шериф серьёзней за какую-то долю секунды.

– Кстати... У меня к Вам тоже секретный разговор имеется. Отойдём в сторонку.

Вы знаете, что сегодня ко мне заходили Саният с мамой и Винсия?

– Нет.

– Они заявление оставили.

– На кого? И по поводу чего? – задняя стенка изрядно потрепанного учительского горла вдруг стала сухой и шершавой, как наждачная бумага. Я беспомощно искала воду. Горло першило и горело.

Отец Джесса понял, что со мной что-то не так, усадил меня на стул и открыл бутылку питьевой воды.

Пока я успокаивалась, он взял со стола, заполненный мелким подчерком Лины (мамы Саният), бланк и поднёс к глазам.

– Не переживайте Вы так! Заявление написано не на кого-то, а о чём-то. Официальная, я бы сказал, просьба. Они

просят меня начать процедуру установления личности и места проживания биологического отца Ламентии. Брат Сан-янт проходил практику в Мексике, в Акапулько. Устроился докером в порт. Перед отъездом Ламентия попросила его отыскать её бабушку, которая живёт в деревне, высоко в горах, в окрестностях Акапулько. Красивейший, кстати, город. Вы там были?

– Была. Меня там мафия чуть «навечно» не оставила. Пейзажем любоваться.

– Да что Вы? Вот это приключение! И как Вам удалось на них нарваться? Это ведь как постараться надо, чтобы мафиози лицом к лицу встретить!

– Я стала фотографировать людей, живущих в коробках, ящиках, рваных палатках прямо на крышах жилых зданий. Взобралась сначала на дерево. Потом осмелела и решила с этими несчастными поговорить. Я ведь свободно на испанском говорю. Как бандиты подошли, я не заметила. Вдруг мой фотоаппарат полетел на землю. Руки оказались за спиной. А сама я ни двинуться, ни головой повернуть не могла: меня взяли «в замок» четверо больших и накаченных гериллос.

– И как же Вы сбежали? Как скряться удалось?

– А я и не сбегала. Это было невозможно. Я просто начала разговаривать с ними.

Сначала они рты раскрыли и кулачищи расслабили от удивления. Они были уверены, что я – гринго! Амери-

канка с круизного лайнера. Журналистка. А когда я им растолковала, что родилась в Советском союзе, Испанский выучила в Российском университете, где преподавателями были испанские антифашисты, участники Гражданской войны 1936—1939 г. – эти бандиты превратились в симпатичных гостеприимных хозяев. Меня накормили. Показали, в каких унижительных условиях живут миллионы (по их словам) людей. Накупили мне сувениров, рассказали всю историю Мексики, начиная с Кортеса, и проводили на корабль. В подарок мне подарили волшебной красоты и тонкой ручной работы мексиканское бальное платье. Белое с чёрными кружевами. В тот же вечер я выиграла главный приз на конкурсе «Мексиканские Мотивы». На корабле. Вот такие у меня воспоминания об Акапулько.

Шериф слушал мой рассказ со слегка отвисшей челюстью. Но ни одного вопроса он не задал.

– Ну, значит, Вы знаете, что Акапулько окружён горами. Растительность там такая густая, что скрыться от властей труда не составляет. Вот почему многие обездоленные, совсем без средств люди, селятся в маленьких деревушках среди джунглей, скрываясь и от налогов, и от бандитов. Одно такое место Ламентия и показала на карте, попросив держать всё в полной тайне. Брат Саняйт бабушку Ламентии нашёл. Она тяжело болеет, соседи за ней ухаживают. Ум у старушки ясный, и она вспомнила, как звали отца Саняйт, где и кем он работал.

– И что же он делал в Мексике?

– О! Это самое интересное! Похоже, вот он-то как раз и был журналистом. И не простым. Он работал на правительство. Как я могу догадаться, добывал информацию о подпольном бизнесе: торговля людьми, рабский труд, войны между нарко – баронами.

– Да где же сейчас рабский труд используется? Ведь XXI век на дворе!

– Да везде! У нас, в США, например. Особенно детский и женский труд. Мы думаем, не менее трёхсот тысяч рабов здесь, под носом у всех, трудятся. Ну да речь сейчас не об этом. Я принял заявление и намерен начать поиски. Просто решил Вас поставить в известность. Так будет правильно.

Я поднялась и протянула шерифу благодарную руку. Пожатие было крепким и обнадеживающим.

– А по поводу бумаг для доктора Хата не беспокойтесь. Мы сейчас нашего курьера к нему пошлём. Кстати, человеку в форме всегда легче добраться до врачей в этом центре. А Вы сейчас помчитесь догонять компанию. На мотоцикле.

В этот раз челюсть провисла у меня.

– Мобильный полицейский отряд такие Харли Дэвидсоны получил! За пять минут долетите до места! Или Вы боитесь?

– Ещё чего! В городе Коврове, недалеко от Москвы, где я прожила 19 лет, каждый второй на мотоцикле в школу и магазин ездил. Так что я привычная.

На том мы с отцом Джесса и распрощались. Он пообещал пригнать мою Вольвочку прямо к дому.

Я, конечно, приврала о каждом втором. Скорее, каждый четвёртый в городе Коврове зажигал на маленьких, но очень юрких и шумных местных байках. Ну а насчёт того, что я привычная к быстрой езде, я не просто приврала, а крупно наплела. Но кое-какой опыт у меня был. Так что я дала мотто – копу обрядить себя в шлем, и мы помчались.

Путь к дому Джесса оказался необычным. Основная часть дороги тянулась неровной береговой линией вдоль быстрого ручья. Правая сторона этой узкой, больше похожей на тропинку дороги, была сплошной стеной довольно густого, душистого леса. Один раз на дорогу выпрыгнул кролик, и водитель так резко свернул в сторону, что я в панике ухватилась за его форму, почти стянув бедного парня на землю.

Джесс жил на ранчо. Большой старинный дом был низеньким, как все дома в Калифорнии, но длинным и умно спланированным. На лужайке перед домом нас встретили разгорячённые ожиданием и неизвестностью гости. Именинник стоял около закрытой входной двери и что-то на ней изучал. Это оказалась часть третья «Сюрприз-пати». На плакате я прочитала: «Твой главный сюрприз требует таланта кладоискателя! Так что в путь! Первый пункт с инструкцией находится на дереве, с которого ты упал в 5 лет. Инструкцию тебе передаст агент, которого ты должен приятно удивить. Удачи!».

Глупо и счастливо улыбаясь, наш староста отправился в чашу сразу за задним двориком дома. Все поспешили за ним. Джесс ходил туда-сюда, по кругу и назад, но вспомнить, с какого дерева он упал тринадцать лет назад, он не мог. Вдруг нежный голосок пропел:

– Иди прямо. К заходящему солнцу. Я жду тебя.

Джесс рванул вперёд покруче, чем Харли Дэвидсон, и через пару минут оказался рядом с развесистым старым тополем. На нижней ветке сидела Тришка. Она была прекрасна: элегантно убранные в локоны волосы открывали высокий лоб с умными, хитрющими серыми глазами. Романтическая причёска подчёркивала скорее дерзкое и шkodливое, чем сентиментальное, выражение яркого лица. Казалось, что всё в этой девочке противоречит друг другу. Великоватый для нежного овала лица нос задиристо и курносо спорил с мягкими скулами. Сами скулы так победно тянулись к вискам, что выражение лица у Тришки всегда было немного удивлённое и радостное. Небольшой рот вечно соперничал с пухлыми щёчками на тему: кто первый заставит хозяйку улыбнуться. И все эти несурезицы (с точки зрения скучного специалиста по красоте) изливались на вас таким потоком обаяния и тёплой энергии, что в присутствии этой девочки невзгоды казались мельче, радость глубже, а мир – добрее.

Тришка держала в руке послание. Нетерпеливый хор закричал:

– Ну же, Джесс! Ты должен её приятно удивить!

Джесс побледнел, встряхнулся, как будто избавляясь от своего аршина прямолинейности и занозы неловкости, и, глядя прямо в глаза девушки, твёрдо и громко сказал:

– Ты – мой каприз! Без тебя в моей жизни нет радости...

Он помог Тришке спуститься вниз и, ловя момент полного молчания собравшихся, продолжил:

– Будь моей девушкой, Патриция, и я никому тебя в обиду не дам.

Тришка встала на цыпочки, бесцеремонно притянула правое ухо Джесса к своим губам и что-то тихо ему шепнула. Наш староста одарил нас такой счастливой и глуповатой улыбкой, что все всё поняли и зааплодировали. Я с изумлением увидела слезу на лице Фанки. Слеза была светлая и лёгкая.

Джесс прочитал инструкцию и устремился вглубь леса. Мы поспешили за ним. Пройдя не меньше километра, Джесс остановился. Перед ним лежала старая газовая труба. Труба была длинной, её другой конец терялся в густых кустах на обочине леса. Не раздумывая, Джесс встал на корточки и заполз в широкое чёрное отверстие. Мы прочитали брошенную им записку: «Проползи до конца трубы, там тебя встретит следующий агент с указаниями, что делать дальше».

Через несколько минут нас оглушил вой и истошный крик. Все замерли. Тришка первой бросилась вдоль трубы, но на том конце никого не было. Вопли неслись из трубы.

Фанки, не долго думая, вполз внутрь с другой стороны и скоро тоже растворился в ржавом тёмном пространстве. Крики повторились, потом затихли, и вскоре из мрачного отверстия показался мощный зад Фанки. Он тащил наружу своё упитанное тело, двигаясь задом наперёд, напоминая полугодовалого карапуза: ведь дети начинают ползать сначала назад, как раки, и только позже учатся управлять телом и ползут вперёд. Следом за Фанки появился сосед Джесса, паренёк, с которым тот с ранних лет «осваивал» окрестности, нырял в ледяную воду пруда и даже ходил на охоту на... волка. Паренёк не подвёл и в этот раз. Он приготовил аттракцион: череп хохочет. В череп со светящимися глазами и отвалившейся челюстью, сосед вмонтировал маленький, крошечный магнитофончик. Когда Джесс был на полпути к выходу, паренёк загородил собой весь проход, добиваясь абсолютной темноты, и включил «Happy birthday to you». Причём, каждая строчка заканчивалась противным скребущим хохотом в исполнении кривляющегося покойника с мерцающими глазами.

Сценарием такое творческое решение не предусматривалось.

Отсмеявшись и нашутившись, Джесс прочитал следующее задание: найти дупло в старом дубе, в котором он спрятал свой дневник с двойкой по математике, когда учился в четвёртом классе. Это оказалось самым сложным. Наш именинник прочесал всю опушку возле дома. Он взбирал-

ся на одно дерево за другим, надеясь, что дупло может оказаться достаточно высоко. Ни дупла, ни подарка отыскать он не мог. Тут в игру включилась его мама.

– Джесс, вспомни, как это было. Ты шёл к дому со стороны дороги, где тебя высадил школьный автобус. А я...

– Всё!!! Вспомнил!

Лицо строгого старосты потеплело от виноватой, по-детски беззащитной улыбки во весь рот, и он бросился к старой беседке. Та уютно пряталась в тени джакаранды, прикрывавшей её ветхую крышу роскошными ветками, плотно усеянными розовыми цветами. Рядом с этим вызывающим буйством красоты, скромно доживал свой век старый, так и не нашедший в себе силы вытянуться вверх (а, может, просто усохший от любви к высокомерной соседке) небольшой дуб. Он прятал своё дупло от пронзительных розовых очей шикарной соседки, прикрывая его молодой порослью и старыми заплатами мха.

– Я ждала тебя в беседке, – продолжала мама. – Я уже слышала твои шаги. И вдруг всё затихло.

– Ну да, я всё вспомнил. Я снял туфли и босиком подкрался к дубу. Я же не знал, что ты была в беседке и всё видела.

Они обнялись и пошли к старому дуплу. Джесс засунул туда руку... Замолчал... Прекратил дышать... И с победным боевым кличем запрыгал вокруг дерева.

В руке он держал... Нет, не один конверт с яркими университетскими печатями. Конвертов была два! Джесс

в изумлении стал читать адрес. Замолк ещё загадочнее. А потом со словами «Господи, спасибо! Господи, за что мне такое счастье?» подбежал к Тришке.

– Ты знала?! Ты ведь знала?!

– Конечно, знала. Письмо из Массачусетса пришло мне в тот же день, что и тебе. Это твоя мама посоветовала оба конверта сделать главным сюрпризом.

Джесс, почти не дыша, смотрел на маму.

– Ты догадывалась? И молчала?

– Я, сын, просто тебя чувствовала.

Мы все таяли от счастья за Джесса и Тришку. Но и таять надо с умом. Лёд, конечно, растопить неплохо. Но развалиться на части как забытый во дворе снеговик, тоже никому не хотелось. Все поспешили к столам, накрытым на лужайке. Гирлянды разноцветных фонариков освещали незамысловатые закуски. В Америке не принято ожидать от хозяйки «кулинарного самопожертвования». Обычно гости сами приносят закуски, горячее и десерт. Так было и в этот раз. Все нанесли еды «наугад». У нас оказалось штук двадцать рыбных салатов, ни одного горячего блюда, горы куриных сэндвичей и . . . ни одного десерта. Но меню только добавило веселья. Молодёжь стала танцевать. Я уже собиралась вызвать такси и ехать домой, как вдруг откуда-то из кустов раздался холодный, заунывный голос.

– Мы здесь! Мы ждём! Вот как сейчас выпрыгнем!

Все замолкли. Джесс заслонил собой Тришку. Девочки завизжали и бросились к дому.

И только мама Джесса хитро улыбалась, но помалкивала.

Кусты затрещали, из них стало выкатываться что-то большое, холодное и белое, В этот же момент завизжали колёса резко затормозившей машины. Визг и вопли разнеслись по всему лесу.

И тут из-за кустов, следом за большим, белым и холодным выползли две уморительные фигуры. Фигурки держались за руки и одновременно катили на нас, похожую на хирургический столик тележку. Площадка опустела, но в ту же минуту именинник, в полном шоке узнавания, бросился с радостным криком к «пришельцам».

– Бабуля, дедуля, как вы здесь оказались? Вы же живёте в Канаде!

– Так ведь и самолёты, внучёк, ещё не отменили. Или у тебя другие сведения? – бодро проворковала пожилая, похожая чертами лица на шерифа, симпатичная дама.

– Ты что, надеялся, что я пропущу тусовку, где столько красивых молодых цыпочек? – закудахтал скороговоркой её почтенный супруг.

– А что это за хирургический столик? – робко рискнула спросить Тришка.

– А это... Это...

– Это большой канадский торт для именинника! – пробаритонил кто-то, срывая белую кружевную скатерть с тако-

го же белоснежного, с шоколадными прожилками торта. Я поняла, что к нам, наконец, присоединился отец Джесса.

– Ну и как вам «сюрприз №3»? – загрохотал всеми перебивками своего мощного голоса шериф.

– Круто! Но всё – таки №2 был самый крутой, – твёрдо и с уважением сказал Фанки.

На всех опять напал гомерический хохот. Даже наша непоколебимая красавица, отличница, умница-разумница Софья смеялась до икоты. Праздник продолжался. Ну а я его покидала. Усталость накинута на меня, придавив плечи почти физической болью. Голова гудела мыслями, обрывками разговора с шерифом и планами предстоящих уроков. И ещё я думала о Ламентии. Как хорошо, что Саняйт с мамой и Винсией сейчас с ней.

Такси прибыло минут через пятнадцать. Я успела попробовать воздушный канадский торт, узнать у шерифа, передали ли бумаги доктору Хату и распрощаться со своими учениками. Сразу замечу, что такой бесшабашной, весёлой и умерительной вечеринки сюрпризов я больше не встречала. Всё-таки неплохо, когда Джокер №2 учится в твоём классе. Ведь, нет места ужасу там, где есть смех.

Глава 10. Тайна трёх, слезливая машина и магазинный переполох

Ламентия не поверила своим глазам, увидев в холле больницы, куда её пригласил доктор Хат, Винсию, Саният и Лину, её маму. Она думала, что уж в этот день о ней никто и не вспомнит. Это же была особая дата: бессменный староста класса Джесс праздновал свой восемнадцатый день рождения. Тем приятнее было видеть эту необычную троицу у себя «в гостях». Странной эта компания казалось каждому, кто бросал на них даже мимолётный взгляд

Рыжая, всегда вспененная мелкими завитками жёстких густых волос, голова Винсии окрашивала всю группу в солнечно-оранжевые блики непокорности и, одновременно, готовой забить ключом, радости. Рядом с ней мягким синим светом сияли глаза Лины. Станным было то, что ласковый, спокойный взгляд этой женщины, умирал все остальные бунтарские краски, оттенки и полутона вокруг. При ней не хотелось кричать, закатывать истерики или плакать навзрыд, захлёбываясь жалостью к себе. Рядом с ней просто верилось в лучшее. И всё. Так вот просто.

Третья фигура сбивала «зрителей» с толку окончательно. Элегантный, кокетливо повязанный мусульманский платок не мог скрыть буйной радости крупных локонов тёмно-ру-

сых волос, тугие кудри которых всегда находили возможность пощекотать пухлые щёчки девушки. Не удавалось ему усмирить и яркий блеск широко распахнутых серо-голубых глаз. Они не просто светились, они мерцали любопытством. Но любопытством особого рода. Добрым, готовым к сочувствию, сопричастности и пониманию. Не зря Саняет, с одобрения всей семьи, готовилась стать доктором. И не просто доктором. Её интерес ко всему новому, особенно, если это новое требовало её участия и помощи, определил и выбор специальности: только акушерство и гинекология. Помогать новой жизни безопасно и уверенно войти в этот мир! « Это достойное занятие», – одобрили её выбор папа с мамой.

Все эти три красавицы смотрелись вместе, как модернистская картина в модном «Три Д» формате: жаркое лето, ранняя тёплая весна и плодоносная осень решили придти и оглушить человечество своими дарами одновременно!

Не задумываясь о человечестве, Ламентия засияла всеми красками всех времён года и бросилась в объятия подруг. Когда лёгкая рука Лины погладила её чёрные, гладкие как нежные нити дорогой шёлковой ткани, волосы, она уткнулась ей в плечо.

– Не «тыкайся» слишком сильно! Испортишь такую красоту, – пошутила Лина и ласково пощекотала маленький, идеально ровный носик девушки.

– Ну, ты нам, наконец, расскажешь, что у вас дома произошло? – бойко зачастила звонким голосом Винсия.

– А ещё лучше, если всё по порядку объяснишь, – мягко добавила Саняйт.

– Ух... Это трудно... И долго...

– Меня муж на весь вечер отпустил. Так что мы тебя торопить не будем, – опять улыбнулась Лина.

– Всё началось с письма.

– От бабушки? – невинно спросила Саняйт. Мама ущипнула её за локоть, но было поздно. Ламентия что-то заподозрила.

– А ты откуда знаешь? Может, прав мой брат, когда убеждает меня в том, что я ничего не помню, в собственной жизни путаюсь и выдумываю вещи, которых никогда не было? Я уверена, что никому про письмо не говорила.

– Ламентия. Мы, наверное, очень виноваты перед тобой, – взяла на себя трудную миссию признания Лина. – Наша вина в том, что не рассказали тебе о своих планах разыскать твою бабушку.

– Но зачем вам надо было её разыскивать?

– Через неё мы надеемся найти твоего отца. Так что, когда брат Саняйт (тот, кто мечтает о море) устроился на работу в Акапулько, в Мексике, мы дали ему карту.

– А! Так вот почему вы ко мне приставали с вопросом, где может жить бабуля. Целый допрос устроили. Покажи да покажи на карте место, где она может быть. Я и ткнула на точку в горах. Почти наугад.

– Наугад или сердце тебе подсказало, то нам неведомо.

Но мой сын твою бабушку нашёл. И она рассказала ему всё, что смогла вспомнить о твоём отце.

– И адрес мой тоже Ваш сын ей дал?

– Получается, что так. Не надо было этого делать?

– Не знаю. Не уверена. Но лучше бы она писала для меня, но **не в мой** дом.

– Но почему? Что такого может сообщить старая больная женщина, которая живёт в глухой деревне посреди дикого леса? – с возмущением спросила Винсия.

– Вот это для меня тайна тайн, – задумалась Ламентия. – Чувствую, что мамаша с братом не успокоятся, пока бабушка жива и может рассказать что-то, чего они боятся. Я, может, и ошибаюсь, но выглядит всё так, как я сказала. Хотя, брату много чего надо бояться. И без бабушкиных воспоминаний я такое про него узнала! Только говорить об этом боюсь. Он и так догадался, что мне кое-что известно.

– Мы тебя хоть раз подводили? Ты же знаешь, как мы умеем хранить секреты. Говори всё, что узнала.

– Девочки, помните, я вам рассказывала про странных невест брата в Мексике?

– Конечно! Он их менял каждые 3 – 4 месяца. Потом они куда-то исчезали. Но ведь это было давно! Почему ты сейчас об этом вспомнила?

– Потому что здесь, в Америке, его жизнь стала мне вообще непонятной.

– Что конкретно ты не понимала? Тебя что-то пугало? На-

стороживало?

– И пугало. И настораживало. И заполняло мою голову кучей вопросов.

– Ага, понятно. Когда такая красивая головка пухнет от трудных вопросов, на них нужно найти ответы, хотя бы из уважения к собственной голове – Лина по-прежнему старалась придать разговору немного шуточный характер. Она боялась вспышки гнева или ярости, которые уже привели Ламентию в эти унылые больничные стены.

– Бывает так, что ответ на один вопрос приносит целый колючий куст новых, ещё более странных и опасных вопросов, – Ламентия не поддержала попытки мамы Саният упростить и облегчить разговор. Лина поняла, что всё, что они сейчас услышат, надо воспринять серьёзно и с доверием.

– Так что ты имела в виду, когда говорила о странной жизни брата в Америке? – прямо и ясно спросила Саният.

– Во-первых, он и здесь стал регулярно пропадать из дома. Поживёт недели две-три, и куда-то исчезает. Возвращается через пару-другую месяцев. Обычно с деньгами. И каким-то другим.

– Ты не преувеличиваешь? – вновь заволновалась Лина. Она пыталась избежать слишком трудных и «топких» тем разговора.

– Нет. Наоборот. Я не договариваю.

– Так договаривай, наконец! – с силой зашептала Винсия.

– Он возвращался наглым, раздувающимся от самодо-

вольства и презрения ко мне, моим учителям, к вам, моим друзьям. Знаете, некоторые люди всегда имеют такое выражение лица, как будто вокруг них чем-то воняет. Ноздри втянуты, нижняя губа выпячена так, что слюна вот-вот капать начнёт, лоб собирается к переносице, а глаза смотрят на тебя в упор как два дула двустволки.

– Ой, так наш учитель физики почти такой же! Тот, который всегда в чёрном полувоенном френче ходит, в чёрных ковбойских сапогах, а лысину прикрывает какой-то грязно-коричневой тарелкой, которую называет беретом, – поддакнула Санянт.

Неожиданно на всех напал смех. Учитель физики был школьной достопримечательностью. И человеком, которого активно не любили. Он не умел разговаривать на равных: сам его голос, трескучий и механический, вызывал холодный озноб у собеседника. К этому добавлялась его непередаваемо «гавкающая» интонация. Он не говорил. Он «вылаивал» команды, инструкции и распоряжения. Женскому полу он демонстрировал своё «повелительное» снисхождение. Как хозяин, с руки которого кормится домашнее животное, в приступе любви к себе самому, благодетелю, зачастую демонстрирует «всепрошение» бедной твари, с которой и взять то нечего: ну нагадила, ну набезобразничала. Так ведь она и есть тварь неразумная.

Ученики не раз просили директора школы уволить «полуфренча» (как его прозвали студенты), но, не возражая

в принципе, директор просто с ним мирился. Найти в Америке учителя физики – дело ювелирной ловкости. Поэтому учеников просили потерпеть... опять... и опять.

Насмеявшись, подруги продолжили «совещание».

– Кроме того, его карманы просто «взбухали» от денег. Либо в гараже новая машина появлялась. И я решила проследить за ним.

– Ой, как интересно! – протянула, открыв глаза почти до рыжих висков, Винсия.

– Ой, как глупо, – тихонько охнула Саният

– Ой, как необдуманно и опасно! – прошептала её мама.

– Ой, ой, ой! Вот из-за ваших «ой» я вам ничего и не говорила. Наступил день, когда брат засобирался в дорогу: сумку сложил, с матерью о чём-то шептался, звонки какие-то странные делал. Я прислушивалась к каждому названию в его разговорах. Я пыталась найти некоторые слова на карте. В Америке я ничего не нашла. Тогда стала искать в Мексике. Потом в Венесуэле. В Колумбии. Обнаружила два-три городка, которые звучали похоже на те, что упоминал брат в разговорах. А когда расслышала слово «трамвай», у меня как лампочка в голове зажглась.

– Слушай, – давась тихим смехом, перебила её Винсия. – Ты только доктору про лампочку во лбу, или где она у тебя там зажглась, не говори. Вдруг он напрямую это поймёт. И спрячет от тебя все электрические приборы. Больница-то у вас непростая...

Тут стали смеяться все. Даже Лина. Впрочем, именно она была главной хохотушкой в семье. Правильно учёные заметили, что чем больше у человека чувства юмора, тем он здоровее умственно и душевно. Первый признак аутистов – это неспособность понимать шутку, иронию и шутить самому. Следом идёт неспособность любить и быть эмоционально тёплым человеком. Зато многие из них становятся прекрасными компьютерщиками. Да здравствует Силиконовая Долина!

Вытерев весёлые слёзы облегчения, Ламентия вернулась к рассказу.

– Как только я расслышала слово «трамвай», я поняла, что он едет в Тихуану из Лос Анжелеса. Самый безопасный путь в приграничную Мексику. Я пропустила школу (напле-ла что-то миссис Ти про работу в региональной библиотеке) и поехала на такси следом за братцем. Всё сошлось. Он сел на трамвай и исчез на пару месяцев. А когда вернулся, к гаражу нам подогнали новую машину.

– Тот самый кабриолет? Серый металик?

– Именно. Брат переночевал, дал матери какие-то деньги, и... опять засобирался. Как он всегда делала после «командировок». Куда-то недалеко.

– А как ты узнала, что недалеко?

– Сумку дорожную с собой не брал, а мамашу заверил, что через день-два будет дома.

– И ты опять решила за ним следом отправиться? – про-

шептала с ужасом Саният.

– Конечно. Пока он был в Мексике, я ночные смены в ресторане дважды в неделю брала. Деньги откладывала.

– А... теперь понятно, почему ты творческие работы сдать в срок не могла. Ты просто «уработала» себя в «лохмотья усталости». И ведь хоть бы к нам за помощью обратилась. Подруга называется, – попробовала возмутиться Винсия.

– Я вас не хотела впутывать во всё это, потому что мой брат – человек опасный. И очень жестокий. Ко всему, по мстительности, равных ему тоже трудно найти. Да и друзья у него не простые. Так сказать, хорошо «организованные».

– Ты имеешь в виду организованную преступность? Мафию?

– Я не знаю, мафия это или нет, но кто-то в полиции им точно покровительствует. Иначе они не могли бы такие дела проворачивать.

– Да что за дела? Что ты могла за одну слезку разузнать? – не отставала Винсия.

– Может, ты вообще больше нафантазировала, чем разузнала? – мягко, с почти виноватой улыбкой, спросила Саният. И тут же получила большой щипок в руку. От мамы.

– Вот, вот... Вам только скажи... Ты сейчас, почти как мой брат, говоришь. Ещё добавь, что у меня галлюцинации, раздвоение или «рас-строение» личности и навязчивые идеи, – Ламентия, к ужасу Лины и полному замешательству

подруг, начала плакать. Девушка дышала всё быстрее, глаза собрались в две мокрые щёлочки, прикрытые чёрными, необычно длинными и густыми ресницами. Не прошло и минуты, как тучная, безразмерная медсестра оказалась рядом с ней. Она положила мощную руку на худенькие плечи и повела Ламентию к выходу из холла. Обернувшись, медсестра громко сказала:

– А вам надо покинуть больницу немедленно. Думаю, всю ближайшую неделю в посещении вам будет отказано.

Рыжая голова Винсии как будто поблекла, когда она закрыла лицо руками и уронила её на грудь. Лина, не говоря ни слова, обнимала тоненько хныкающую дочку.

Группа вышла на сумрачную, в этот вечерний час, парковку.

– Сейчас едем к нам. Успокоимся. Решим, что делать. Часто выход прячется там же, где был вход, – мягко, но решительно сказала Лина.

– Что ты имеешь в виду? – спросила Саният. Она держала глаза неестественно открытыми, пытаясь сделать невозможное: заставить выползающие из них слёзы закатиться назад.

– Всё дело, я думаю, в брате. Из-за него она попала в это заведение, «через» него и выйдет. Теперь это и наша проблема: узнать, чем он занимается.

Все трое сели в машину, Лина поставила ногу на газ, но Винсия вдруг остановила её.

– Мне с вами нельзя.

– Это ещё почему? Мой муж доставит тебя попозже прямо к дверям твоего нового дома.

– Не дома, а приёмного дома. Пятого по счёту после смерти мамы. И самого нелюбимого. Не понимаю я этих социальных работников. Я побывала уже в пяти приёмных семьях! И только в третьей мне были рады. Я чувствовала себя так хорошо с миссис и мистером Софт. Так нет же. За один день эти «социальные благодетели» разрушили всё: просто пришли и забрали меня. Сказали, что есть решение поместить Винсию М. в новую семью. И так со всеми приёмными детьми делают. Без объяснений. А к этим новым, Тафам, я никогда не привыкну! Они набрали нас 7 человек, бизнес на нас делают и бахвалятся на всю округу: «У нас миссия такая – давать сиротам приют и заботу». Называют себя «профессиональными родителями», а сами дрессируют нас по полной программе. Они же христианские фундаменталисты.

– Не волнуйся, Винсия. Я им позвоню, извинюсь за поддержку и скажу, чтобы ждали нас с подарком. Спеку что-нибудь для всех вас. Они подарки ой как любят!

– А что такое «христианские фундаменталисты»? – неуверенно поддержала разговор Саният, поставив и глаза, и хлюпающий нос на место. – Они чем-то отличаются от просто христиан?

– Ещё как! Недаром же называются «фундаменталистами». От слова «фундамент», я думаю. Вот как голая, креп-

кая, построенная точно по чертежу коробка для дома отличается от живого, настоящего дома.

– Вы с Ламентией таким цветастым языком изъясняетесь, что мне иногда вас трудно понять. Я же начинающий медработник, практику в больнице прохожу. Там всё точно: инструменты, дозы, уколы. Объясни попроще.

– Как же мне это по-другому сказать? Представь себе тёплый уютный дом. В нём, вроде бы, тоже всё по правилам организовано, но что-то всегда этим правилам не подчиняется. С белой стены вдруг ярко оранжевые подсолнухи Ван Гога в комнату заглядывают. На полу игрушка брошенная валяется. На кресле моток ниток с недовязанным шарфиком кто-то забыл. На кухонном столе – разводы муки. Её ещё не убрали после приготовления теста для лепёшек. Письменный стол потеет под кучами бумаг. В общем, жизнь вокруг. А не холодная геометрия в цементе.

– А в твоём приёмном доме разве не так? Ну, мука на столе... Цветное пятно на стене...

– В том то и дело, что там всё, как на чертежах. Прямо, ровно, скучно и без жизни. Сама миссис Таф кроме Библии ничего в своей жизни не читала. Как вышла замуж в 18 лет, так в этом возрасте и осталась: решений принимать ей не позволено, да она и не умеет. Одежду себе выбирать не разрешено. Деньги тратить на себя она не имеет права. А своё мнение у неё должно отсутствовать по определению, по умолчанию, выражаясь компьютерным языком. Безжиз-

ненная, безвольная, глубоко несчастливая и ограниченная женщина. Но не жестокая. Просто покорная. И подружки у неё такие же.

– Представляю, что бы **моя** мама сказала и **как бы** на папу посмотрела, если бы он влезал в её дела по домашнему хозяйству. У нас все семейные траты, покупки, подарки – всё это царство матери-королевы, – с гордостью сказала Санянт.

Лина счастливо рассмеялась. Потому что дочь говорила правду. В чеченских семьях муж никогда не унижит себя, пытаясь поучать жену, как вести хозяйство и распределять семейный бюджет. Он отвечает за то, чтобы жене было что распределять. А если трудности с этим возникнут, тогда семейный совет решит, что делать.

– Да! Твоя мама – особенная. Да и папа такой воспитанный, такой приветливый. Голос Винсию подвёл: он задрожал и стал влажным. Пришёл её черёд захлюпать носом.

– Лина, я ведь всё поняла... про маму... в тот первый день, когда мы у вас в гостях были. Вы её решили тогда осмотреть. Как опытный кардиолог. Помните? Она вернулась в комнату со своим приговором в глазах. Я всё поняла, как только в них заглянула – девочка всхлипнула. Жалобно и виновато.

– Твоя мама была одной из лучших мам и женщин, каких я встретила в своей жизни. А какая красавица! Ты должна быть успешной, Винсия! Ты должна быть счастливой! Ты просто обязана прожить хорошую жизнь. Твоя мама так в те-

бя верила! К сожалению, твой отец надорвал её сердце. Мы, чеченцы, разводов ох как не любим! Но твоей маме надо было развестись сразу же, как только он стал издеваться над ней: рассказывать о своих романах, говорить, что она никому не нужна, что она «отработанный материал». А ведь твоя мама, ко всему, была прекрасным ландшафтным дизайнером. Это от неё у тебя такое тонкое чувство красоты и страсть к тайнам дикой природы.

– Да, я уговаривала её уйти от отца. Но она твердила одно и то же: не представляю себе жизни без него. Вот и оборвалась её жизнь, когда пришлось всё-таки остаться без него. После того, как он к другой женщине ушёл, она больше и не жила. Только плакала и плакала. И таяла. Как ставшая никому ненужной снегурочка под слишком горячим солнцем. Винсия горестно всхлипнула опять, и тут же почувствовала мягкую руку Саният на своих щеках. Добрые пальчики собирали её слёзы. И слёзы неохотно стали высыхать.

– Винсия, а что случилось в тот день, когда ты к нам поздно вечером прибежала: одна, через весь город, в темноте. Ты, по-моему, с отцом и его подругой тогда жила?

– Об этом даже сейчас мне неловко говорить. Можете, ведь, и не поверить.

Саният взяла руку подруги в свою:

– Поверим! Каждому слову! Я свой урок на сегодня уже выучила.

– Мне было 11 лет, когда мамы не стало. Меня забрал к се-

бе отец. Он жил с крикливой, смазливой и истеричной барышней. Но меня старался не обижать. Помогал с уроками.

Когда мне было 12, я в первый раз влюбилась. С этим мальчиком мы стали дружить Больше года дружили: в библиотеку вместе ходили. На автомобильные гонки, на калифорнийское ралли вместе ездили. На скейтбордах вместе катались. А потом, совершенно неожиданно, он мне сказал: «Я тебя терпел больше года. Я ждал, когда кто-нибудь лучше подвернётся. Вчера я такую встретил. Забудь про меня. И не вздумай встреч со мной искать».

Я по натуре сильная. Ньюни распускать, – не в моих правилах. Но на душе было кисло. Всё кислее и кислее. И я решила с папой поделиться. И всё ему рассказала.

– И что он? Пожалел? Совет умный дал?

– Можно и так сказать. Он втянул носом воздух, погонял его там, а потом смачно высморкался в ладонь. Подошёл ко мне и размазал сопли по моим волосам. Со словами:

– Вот теперь у тебя есть **реальная** проблема: вычесать сопли из своих куделей. Этим и займись. А то, про что ты говоришь, – бред избалованной барышни. По материнским стопам решила пойти? Любовь тебе подавай?

И стал хохотать. Я дождалась, когда он спать уйдёт, и к вам убежала.

В машине стало тихо. Как в больнице. Даже мотор гудел как-то пристыжено, как будто извинялся за жестокость и бессердечность рода людского. Как будто сожалел, что не может

заполнить тишину чем-то более добрым и человечным, чем бесперебойным стуком своих железок.

Лина быстро думала, что делать. Оставлять девочек в таком мрачном и пасмурном и настроении было нельзя.

– Девчонки! А давайте в торговый центр заскочим! Тебе, Саняйт, давно пора пару новых юбок себе купить. А школьная блузка Винсии так и просится в мусорный пакет. Скоро всеми своими потёртостями и пятнышками кричать начнёт: выброси меня, ну, давай же! Не видишь что ли, как я устала с тобой на уроки ходить и рукава свои в библиотеках протирать...

Двигатель задорно фыркнул и застрекотал веселее. Машина рванулась вперёд. Морозящий дождик из девчачьих носиков прекратился.

В огромном Шопинг Моле Лина дала девочкам деньги, развернула их лицом к длинным, в километр, торговым рядам с одеждой и сказала:

– Вам сорок пять минут на покупки. Встречаемся под часами в 20.00. Я пойду в секцию подарков. У папы скоро День рождения. Хотя бы посмотрю, что они там интересного могут предложить «крутым кавказским парням»...

Со смехом она исчезла.

Девочки побрели к длинным стойкам с юбками и блузками для подростков. Особого куража от «шопинг забегов» ни Саняйт, ни Винсия никогда не испытывали. Они почти ненавидели бесконечные примерки, всегда приносящие разоча-

рование. То, что нравилось, было либо большим, либо узким, либо слишком дорогим. А то, что подходило, всегда почему-то нравилось меньше.

Но не в этот раз! Всё-таки, наверное, горестей и радостей отпускается «сверху» поровну на каждый день. А жёваное – пережёванное выражение «Сегодня не мой день» для тех, кто мигом скисает и скукоживается при первой неприятности: удача не любит прилепляться к хмурым и недовольным. Она – дама жизнерадостная.

Первая же юбка, которую примерила Санянт, просто преобразила её: она стала как будто выше и стройнее. Вторая так кокетливо легла на её бёдра, что девушка выплыла из примерочной этакой изысканной восточной вазой благородного серо-голубого оттенка.

Винсия же с удивлением смотрела на рыжеволосую, зелёноглазую «красотку», уверенно взирающую на неё из зеркала: коричневый шоколад блузки подчёркивал все радостные, по-летнему яркие краски её лица. Блузка идеально спадала с мягких плеч и гордо облегла высокую грудь и длинные, тонкие руки.

Санянт схватила блузку, не давая подруге взглянуть на ценник, и тут же принесла вторую: зелёную, как только что раскрывшийся берёзовый лист. И эта обняла тонкую фигурку Винсии, как будто была сшита на заказ.

К обновкам захотелось прикупить новые туфли. Между тем, до встречи с Линой оставалось десять минут. Девоч-

ки ринулись в обувной отдел. Они ловко лавировали между непостижимо упитанными, дородными, откормленными до полной неповоротливости телесами покупателей. Таких, фантастически раздобревших на «здоровой», но (вероятно, по просьбе самих американских граждан), генетически модифицированной продукции, было абсолютное большинство. Не было на свете портного, который бы додумался, как сделать так, чтобы джинсы, брюки, легинсы, шорты и просто штаны не спадали с выдающихся задов их владельцев. Поэтому подруги не удивились, заметив юркого японца, обвешанного гаджетами, который прятался за колонной и снимал каждую торчащую наружу попу, проплывающую мимо.

Хихикая и отпуская шуточки по поводу увиденного, девочки добрались до полки с туфлями, схватили по паре изящных, на тонких невысоких каблучках чёрных туфель, и примерили их на свои уставшие за день ножки. Чудо продолжалось! Удача с ними подружилась! Туфли ощущались на ногах почти как разношенные тапочки.

Сияя и радуясь своему везению, подруги помчались вслед за своими тележками к кассам. Оставался один щекотливый момент: расплатиться. Обе принципиально не смотрели на цены. Обе доверились капризной фортуне. И фортуна не подвела!

– Папа! Мой папа стоит прямо у кассы! Побежали, «подбросим» ему покупки, он за всё и заплатит! – затараторила Санянт. Она взяла в охапку все обновки и стала прокла-

дывать дорогу вперёд, извиняясь и улыбаясь каждому, кого толкала, пихала или просто задевала шустрыми локтями. Добравшись до кассы, Саният бросила всю охапку на прилавок и с радостным «Заплати!» и пролетела мимо.

Винсия не могла понять, что случилось после этого. Так быстро и неожиданно всё произошло.

– Стоять! Встаньте там, где находитесь! Опустите руки! – громко кричали два охранника, подбегая к Саният.

– Нахалка какая! Мошенница! – вопил, между тем, мужик у кассы. – Думала, я не замечу, что за чужие «шмотки» платить придётся! Ещё и «папой» обзывается!

– Да она, может, вообще террористка! Граждане, не трогайте эти вещи! В них наверняка бомба подложена! – исходила ядовитым криком кассирша.

Винсия попробовала объяснить ошибку, но её тут же приняли за сообщницу и задержали вместе с Саният. Люди стали разбегаться от кассы с криками:

«Бомба! Террористы в зале! Спасайтесь!!!»

Углом глаза Саният заметила бегущую к ней маму. Однако, охранники и, присоединившийся к ним, полицейский, Лину к дочери не пропускали.

– Да послушайте же вы меня! Ну, пожалуйста, – твердила Саният. К группе «задержанных» спешил топ менеджер торгового центра. Он оказался самым разумным и, как и положено менеджеру, прекрасным переговорщиком. Покупателей он терять не хотел. А потому и обижать их не позволял.

Стоило ему взглянуть на двух перепуганных девочек и рвущуюся к ним красивую, полную благородства даму, как он попросил дать слово «подозреваемым».

Всё разъяснилось через пару минут. Девочка просто обозналась. А мужчина всего-навсего «перереагировал», так как её ошибка не стоила и десятой части его воплей и возмущений. На смену страху и напряжению тут же «запрыгнули» смех и бесшабашная радость. Лина расплатилась за покупки, не убирая выражения «оскорблённого покупательского достоинства» на гордо поднятом лице, а подруги принимали извинения менеджера. Тот даже предложил подарок за доставленное неудобство. Девочки благосклонно согласились. Через две минуты к ним подкатили тележку с двумя красочными упаковками. Это были белоснежные банные халаты из чистого хлопка. Сделав вид, что они ожидали большего, девушки буркнули спасибо и поспешили на улицу. Следом, испепеляя охранников космически холодной голубиной глаз, проплыла Лина.

Вот здесь-то, наконец, дурашливый, ничем не сдерживаемый хохот охватил всех троих.

Линино сердце теплело от захлёбывающихся трелей почти детского, беззаботного смеха. Всё-таки удалось завершить этот трудный день джазовой композицией «Весёлые покупки», а не тоскливым тренировочным этюдом «Печальные ноты».

Глава 11. Ночь кукарачей, ползучие колбаски и странности любви

Было поздно. Я чувствовала себя измученной долгим сутливым днём. Но я должна была прочитать вторую часть сочинения Ламентии. Просто обязана. Чтобы понять. Чтобы почувствовать её беды изнутри. Чтобы попробовать помочь. И я открыла тетрадь.

«Страшись любви, она пройдёт
Она мечтой твой ум встревожит
Тоска по ней тебя убьёт,
Ничто воскреснуть не поможет».
М. Ю. Лермонтов «Два брата»

«Я упала быстро. Ещё быстрее я поняла, что падение моё только началось. Трясина безнадёжности на то и трясина, чтобы спеленать тебя туго, уложить в болото тоски мягко и подталкивать вниз почти незаметно. Ведь физически на тебя никто не давит. Ни одна душа не подстрекает тебя падать всё ниже. Всего-навсего, надо уметь создать «правильное болото», в нужный момент и точно рассчитать маршрут жертвы – и она просто обязана в эту топь как бы нечаянно провалиться. А там уж её ждут и ядовито пузырятся три чахлые кикиморы отчаяния: слепая ревность, глухая злоба и равно-

душная к счастью хандра.

Сценарий моего маршрута был расписан и продуман моей матерью, и полностью поддержан и одобрен моим братом.

В тот день я, как всегда, пошла на работу. В свой простенький, но радушный, всем по карману ресторанчик. Я зашла в зал и поняла, что там что-то происходит. Вокруг двигались люди, одетые в устрашающие белые балахоны. Все они были в уродливых, со шлангами, масках и с заплечными баллонами, в которых что-то шипело. Ни дать, ни взять – съёмки эпизода Звёздных войн «Штурмовики перекусывают перед очередным поражением».

Оказалось, санэпидстанция закрыла нас на ночь «кукарачей». Так весело принято в Калифорнии называть ночь обработки помещений по уничтожению всяких несъедобных тварей: москитов, тараканов, термитов и прочих, и всяких, и разных... Началось всё ранним утром, когда ресторан подавал завтраки.

С утра одной даме, которая, как принято в маленьких американских городках, пришла на завтрак в бигудях, зуд в волосах воспрепятствовал наслаждению, с которым она поглощала все 12 гренок, входящих в блюдо «Французский тост». Столик дамочка выбрала угловой. Как раз впритык к дорожке, которую проложили муравьи, сходявшие с ума от жары и засухи в тот непростой год: Калифорния безрезультатно ждала дождя семьсот шестьдесят восемь дней. Видимо, несчастные почуяли такой манящий букет запахов, исходя-

щий от дамы в букольниках, что накинута на неё со здоровым аппетитом и всем известной армейской дисциплиной, отличающей этих насекомых. Сильнее всех пахли бигуди: лак, напитавшийся влагой от только что вымытых волос, подействовал на «агрессоров» как пьянящий газ. Строго следуя за вожаком, все батальоны, полки и дивизии муравьиного войска передислоцировались, перестроились и сманеврировали на голову дамы. Она, между тем, была на седьмом небе от счастья, так как принялась за седьмую гренку из двенадцати, блаженно откинувшись отяжелевшим телом на близстоящую стену. Как известно, счастливые ни часов, ни муравьёв не наблюдают. Дама, почёсываясь и поругивая качество бигудей, смаковала десятый сочный, обсыпанный ванильным сахаром кусок, когда первая рота муравьёв, обпившись и объевшись того, что было на голове, стала в припадочном счастье падать в её тарелку.

– Менеджера! Всех менеджеров ко мне!!! – взвизгнула дама, сдирая с себя бигуди и начиная прыгать, скакать и бегать по залу. Бигуди сваливались на пол, как чёрные, в крапинку, колбаски и... к ужасу одних и громогласной радости других посетителей, расплзались по залу. Видя, как её новейшие «буклевёртки» уползают от неё своим ходом, дама решила упасть в обморок.

Менеджер, молодая студентка, наступив на ползущую колбаску сомнительного вида, ахнула и решила последовать за дамой. Тихо и красиво она упала в полуобморок в руки

старшего официанта, который мечтал об этом вот уже две недели. Он, которому свалилось такое счастье без всяких усилий с его стороны, глупо улыбался и даже не думал что-то предпринять, чтобы привести всех в чувство.

Ситуацию спасла кассирша, которая вытолкала из ресторана всех посетителей и позвонила в санэпидстанцию. Так мы накликали на себя «Ночь Кукарачей».

Я насмеялась от души, слушая кассиршу, изображавшую весь утренний «перфоманс» в лицах и звуках. Моя помощь не требовалась. Я могла идти домой.

Я позвонила матери и предупредила, что приду раньше. Она буркнула «Угу» и сказала:

– Когда вернёшься, в мою комнату не ломись. Я буду с гостем. На кухне подожди.

Пребывая всё ещё в дурашливо бесшабашном настроении, я позвонила Ему. Он не ответил. Ни на первый, ни на следующие несколько звонков. Я приготовила ужин, вымыла, почти выскребла простой деревянный пол на кухне и принялась читать Лермонтова. Мою любимую повесть «Герой нашего времени». Слова Печорина:

«Моя любовь никому не принесла счастья, потому что я ничем не жертвовал для тех, кого любил: я любил для себя, для собственного удовольствия: я только удовлетворял странную потребность сердца, с жадностью поглощая их чувства, их радости и страдания – и никак не мог насытиться», – повергли меня в блаженство «открытия истины». В насла-

ждение раздумий!

Значит, и такая любовь имеет право жить в сердце человека умного, интересного, размышляющего о сути жизни, о добре и зле!!!

Может быть, мои мать и брат – не такие уж плохие люди. Вероятно, я чего-то не знаю об их жизни и только поэтому не могу понять и принять ни их равнодушия ко мне, ни их регулярной, как калифорнийская жара, жестокости.

Мой взгляд упал на цитату в моей тетради: « В природе противоположные причины часто производят одинаковые действия: Лошадь равно падает на ноги от застоя и от излишней езды». М. Ю. Лермонтов «Я хочу рассказать вам».

Интересно, а они, те, кто так ко мне холоден и несправедлив, отчего «упали»? От отсутствия тепла, любви и заботы? Или от избытка притворных страстей, наигранной любви и хитро спланированных интрижек?

Я задумалась. В этот момент стукнула закрывшаяся дверь маминой комнаты. С крыльца спускался мужчина. Он оглянулся, увидел в окне кухни моё лицо и помахал рукой. Это был он. Мистер Очарование.

Я вдруг стала переходить в какое-то другое состояние.

Я превратилась в «НИЧТО». НИЧТО было таким жалким, что даже мне его было не жаль. Оно было таким ничемным, что даже мне оно было не нужно.

НИЧТО коченело, потом заледенело. Потом стало нагреваться изнутри. Но только слева. Оно нагревалось, набуха-

ло... и больно расколосось на горячие льдинки. Льдинки росли. Они стали колоть, резать, ломать на куски ту часть моего НИЧТО, которая вмиг превратилась в нарыв. Нарыв стал пульсировать болью.

Я не шевелилась. Я не могла повернуть голову. Не могла заплакать, крикнуть, топнуть ногой или просто открыть рот. НИЧТО тащило меня в болото бессилия. Скоро было больно и холодно везде.

– Так и будешь замороженной бабой сидеть? – раздалось над ухом. Голос был женский.

– Так ведь наша «цаца» не перенесёт такого удара по её нежному, чувствительному сердцу! – ватно и вязко сказал кто-то мужским голосом. – Того и гляди, разумом тронется.

– Да она давно не в ту сторону, чем могла, тронулась – женский голос звучал всё тише и туманнее. – Ты чего сосулькой сибирской со стула свисаешь?

Я вдруг поняла, что стою. Потом мне показалось, что я двигаюсь. Очнулась я в ванной комнате. На полу. Было темно и спокойно. Ноги подпирали подбородок. Пол приятно охлаждал левый бок. Тот, где дрались кусочки льда. Двигаться не хотелось. Думать не могло. Жить не получалось. Оставалось вот так лежать и ждать, что будет дальше.

А дальше было утро. Брат взломал дверь, вытащил меня в коридор и позвонил школьному психологу. Через час я сидела в её кабинете.

– Ламентия! У тебя до этого были галлюцинации? Может,

тебе и раньше казалось что-то, чего на самом деле не было?

Я заплакала. Мне так захотелось, чтобы вчерашнего вечера и, правда, не было.

Но почему она, врач, говорит о галлюцинациях? А не о том, как мне пережить вчерашнюю боль? Как справиться с отчаянием, унижением и позором? Её задача была изгнать из меня НИЧТО, освободить место для самоуважения, надежды и, хоть самой крохотной, но радости.

– Ламентия! Ты меня слышишь?

– Я Вас прекрасно слышу. А вот Вы слышите только моего брата... или мамашу...

– Так ведь я обязана слушать родственников. Тем более, они так обеспокоены твоими видениями, фантазиями и перепадами настроений.

Я почти завывала. Я заскулила! Я ныла тоненько и безнадежно. Я не могла остановиться. Потом я испугалась. Психолог пошла к телефону, и я поняла, что она собиралась делать.

Я взяла себя в руки, мысленно положив голову на доброе плечо мудрой Лины. Она никогда бы не позволила себе «умываться хлюпами из носа» только потому, что какой-то мистер «дутое очарование» оказался «Уууупс! Полным разочарованием... полной ж...».

А мамаша? Я что, открыла для себя что-то новое? Чего я о ней не знала?

Винсия сейчас бы шепнула мне на ушко: «Стареет твоя мамаша! Обьедки за тобой подбирает! На неё саму никто

не смотрит, вот и приходится у дочери женихов подворовывать...»

Все эти мысли пронеслись, как поисковик последнего поколения: за долю секунды. А облегчение принесли на месяцы вперёд.

Я спокойно рассказала Психологу, что произошло. Она слушала серьёзно и тихо. Главным же было то, что в тот раз она мне поверила. Миссис врач была настолько добра, что отвезла меня в дом к Саняит и выписала мне больничный на пару дней. Чтобы я могла согреться и оттаять в тепле маленького гостевого домика, куда меня зазвала Лина на «женские посиделки» и «часок откровения». Когда из школы пришла Саняит, я могла даже шутить.

Но тот слишком ранний опыт взрослой любви отправил меня в бурное, почти всегда мутное и грязно-пенистое плавание в поисках всё новых встреч, свежих страстей и запретных плодов. Так и не научившись управлять парашютом любви, я прыгала в вихревые потоки любовных историй, понимая, что время парений и восторгов всё уменьшается, а количество больных, калечащих душу и тело приземлений, только растёт.

После той истории я попыталась «перенастроиться». Забыть про такие ценности, как верность, преданность, нежность, сердечная привязанность. Это казалось делом лёгким. Особенно после трёхмесячного «мини романа» с местным рок музыкантом. Он не поленился и прочитал мне целую

лекцию на тему «Счастье и любовь по-американски». Никогда не забуду тот вечер.

Мы пришли в самое дешёвое летнее кафе в округе. «Мистер Рок» был жадным до такой степени, что даже там мы брали по одной порции на двоих и делили её. Особенно, если я неэкономно и эгоистично хотела десерта в конце «пиршества».

– Скажи мне, – начал он одну из своих любимых бесед. О свободе. – Ты отдаёшь себе отчёт, что живёшь в самой свободной стране мира?

– Ещё бы! И в самой эффективной, продуктивной и динамичной. А в целом, самой несчастливой стране на этой планете. Особенно для женщин и детей.

– Что за чушь ты несёшь? Может, это ваша русская учительница тебе мозги отравляет? Русские не могут что-то просто так говорить. Они могут только пропагандой заниматься.

– А американцы не могут просто так пропагандой заниматься. Между собой. Тихо и с пользой промывать мозги друг другу. Так ведь нет! У них же миссия! Они **обязаны** всей планете «мозги на место поставить»: научить демократии, ценности устаревшие обновить, то есть «апгрэйдить». А то даже мадам Европа не совсем по нашим правилам живёт.

– Слушай, Ламентия. Я не ругаться пришёл. И не спорить...

– Удивил!!! Кто это из вас, американских парней, умеет

спорить? Вы ведь возражений не терпите, а, значит, и отвечать на них не умеете. Только «великодушно» позволяете себя выслушивать. Ладно, что ты там хотел мне поведать о свободе?

– Мы – не просто самая свободная страна. Мы – **сознательно** свободное общество. А это требует определённых усилий и игры по правилам.

Мой язык так и рвался наружу, чтобы съязвить: игра по правилам, да ещё сознательная, под прессом усилий – это, вообще то, классический пример **несвободы**. Но рот был занят моей половиной пиццы, и я промолчала.

– Так как дружба, любовь, приятельство – это тоже игра, то правила распространяются и на них.

– А усилия? Только на женскую половину?

– В определённой степени ты права. Вам требуются усилия...

– Чтобы играть по мужским правилам? – перебила я его.

– Не по мужским, а по американским, куколка.

– В нашей стране это одно и то же.

– Ну, пусть будет так. Мы, мужчины, всё-таки гораздо разумнее и рациональнее. А вы живёте одними эмоциями...

– Ты так плоско пошутил, потому что я больше тебя пиццы съела? Не вы ли жалуетесь всему миру, что американские женщины сухие, не тёплые, не эмоциональные и вообще неспособные любить?! А вот русские дамы – полная противоположность: заботливые, ласковые, женственные и гото-

вы пококетничать даже с собственным мужем. Может, они, русские женщины такие потому, что им русские мужчины позволяют быть именно такими? И даже вдохновляют оставаться чувственными, непредсказуемыми, иногда слабыми, женщинами?

– Опять пропаганда. Вернёмся, однако, в Америку. Да, мы, американские мужчины хотим, чтобы вы играли по общим, а не по своим, женским правилам.

– И что же это за правила?

– Правило одно: оставаться свободным. В Америке нет пут традиций. Мы не признаём бремя обязанностей. Личные обязательства партнёров – понятие устаревшее. Такое же устаревшее, как рабство.

Я даже выплюнула кусок яблочного пирога, чтобы возразить:

– Наш шериф накануне лекцию нам читал. О рабском труде в Америке. О тех, кому почти не платят. О тех, кого продают. О тех, кого избивают, лишают еды, сна, жилища. И вот таких у нас около трёхсот тысяч человек. Большинство из них – конечно, «свободные и счастливые» женщины и дети.

– Да это чушь какая то! Может, это всё эмигранты, из других стран?

– Есть там и эмигранты. Но 43% этих несчастных – это белые американцы. А что ты удивляешься? Каждый день в нашей самой лучшей стране голодают 49 миллионов человек.

А ещё два миллиона детей живут на улице, потому что они бездомные.

– Ну, знаешь, это ещё проверить надо. Может, они...

– Такую свободу сами выбрали? – опять прервала я его, – Замусоленный, надо сказать, либеральный аргумент.

– Да ты мне не даёшь слова сказать! – попробовал рыкнуть мистер Рок. Я решила доесть пирог (хотя бы из принципа!) и занять рот более приятным делом, чем говорить что-то тому, который тебя всё равно не слышит.

– Продолжаю. В свободной стране, между свободными мужчиной и женщиной, нет и быть не может никаких обязательств. И никто ничего никому не должен. Точка.

Я согласилась с последним аргументом и поставила жирную точку на наших отношениях.

Но, к великой своей досаде, я стала учиться играть по мужским правилам.

Встречи – от скуки. Отношения – как получится. Привязанность – упаси господь. Ревность – а что это такое, вообще?

Те типы, которые мне попадались, были один другого паршивее.

Каждый умудрялся вытаскивать самое плохое из меня. И это плохое получало жизнь.

Один оказался активистом «Движения за права мужчин». Из тех, кто возмущается даже недельным отпуском женщине по беременности и ходит в пикете с подушкой на животе,

требуя равных отпусков мужьям. По беременности жены.

Второй был просто... уродом. Однажды, когда я ждала его из колледжа у него дома, ко мне «подкатил» его папаша. Так как к тому времени я занималась автоспортом (уговорила меня Винсия), то 3 раза в неделю у нас были силовые тренировки. Перед вождением. Я неплохо дралась. И ещё лучше умела себя защитить. Скоро «папа» валялся возле дивана, прикрывая руками всё, что я ему отбила, и истошно кричал. Пришёл мой бойфренд. И сразу накинулся с кулаками на меня. Оказалось, что это он попросил «папу» соблазнить меня, так как хотел проверить, будет ли он, бойфренд, интересен мне, достигнув возраста своего папика. Тому было 56.

Следующий оказался совсем «странным». Назову это так. Он был очень ласковым. Чесал меня за ушком. Любил погладить мне спину, когда я с хрустом и больной шеей поднималась из-за компьютера (я писала свои первые статьи для музыкального журнала). Любил в шутку потереться со мной носом. Интересовался панк роком. Помогал мне с математикой. Но всё это до первого моего прихода к нему в гости. Пока его мама готовила чай, я сидела на диване. В комнату вошёл огромный чёрный кот. За ним – мой друг. За другом – мама.

– Ну, разве она не прелесть? – оживлённо спросил бойфренд свою маму, показывая на меня.

– Абсолютно с тобой согласна! Она даже лучше, чем я себе представляла! Эти чёрные волосы! Чисто кошачьи, с жел-

тизной глаза!

Не успела я зарумяниться от похвал, как мама продолжила:

– Жалко, что у неё хвоста нет! Тогда была бы точной копией Враньки.

– А кто это? Вранька?

– Да наша кошка. Та, что на Вас так зло уставилась, – запела мамаша.

– Это она ревнует, – объяснил мне бойфренд. – Чувствует, что ты мне тоже нравишься. Конечно, не так, как она... но, по-своему, ты тоже ничего.

Мстительно наступив на Вранькин хвост, я гордо направилась к выходу. Уходила я чисто по-английски: не прощаясь и не забыв забрать с собой своё достоинство! И тут, глядя на мою спину, мамочка с восторгом заверещала:

– Oh, my god! Oh, my god! Да у неё даже хвост есть! На голове! Не такой, конечно, пушистый как у Враньки...

Я вылетела из дома в полном смешении чувств. Смех рвался из глубин живота, заставляя меня присесть. Злость и язвительность переполняли сердце и «одеревеняли» ноги и руки: я шла как на ходулях, широко ступая негнушимися ногами и размахивая руками, как инспектор Гаи размахивает своей дубинкой. Больше «кошатника» я не видела.

В одиннадцатом классе я почти влюбилась. Или убедила себя, что могу влюбиться. Не хватило времени разобраться в своих чувствах. К счастью.

Мне с ним было спокойно. Иногда весело. Престижно, так как он был капитаном школьной баскетбольной команды. Я ему доверяла. Нам даже было о чём поговорить!

Однажды, забыв про «правила свободных отношений», я позволила себе «чувствовать».пустила в сердце запретную нежность, замешанную на дрожжах признательности, и шепнула ему на ухо: «Знаешь, ты – ты самое хорошее, что случилось со мной за последний год».

На следующий день я получила e-mail: «Уведомляю, что я расстаюсь с тобой. Не ищи встреч, потому что у тебя «нездоровое» отношение ко мне. Самое хорошее в нашей жизни – это успех, карьера, материальное благополучие. Один человек не должен значить для другого больше, чем все вышперечисленные ценности. Ты стала слишком эмоциональной. А это опасно. Прощай!».

Потом были мелкие, похожие на детские мыльные пузыри, встречи, «романчики» и неизменные разрывы. Один исправлял все ошибки в моих письмах и указывал, какие параграфы учебника повторить. Другой отнёс моё почти любовное письмо учителю. Сказал, что оно тянет на эссе. Хорошо, что это была миссис Ти. Она мне его просто отдала. Не читая.

А потом я встретила своего Героя. Так мне хотелось верить. Это была любовь с первого взгляда.

У него было необычное лицо. Абсолютно прямые светлые брови были такими густыми, что придавали взгляду пугаю-

щую глубину. Серые глаза могли вдруг заиграть искорками смеха, а в следующую секунду увлажниться росинками печали. Иногда они становились почти зелёными и почему-то строгими. Но главное в них было не это. Когда он с кем-то разговаривал, тому, второму, казалось, что глаза изливают на него столько внимания, сочувствия, сожаления, сопереживания или радости, что этот, второй, чувствовал себя важным и значительным. Интересным и незаменимым. Другими словами, чувствовал себя самим собой. Ну, или таким собой, каким хотел бы стать. Можно сказать, что глаза Героя дарили собеседнику его «Лучшее Я».

Лицо было больше круглым, чем овальным. Но острый треугольник подбородка говорил о сильном характере. Круг, овал и треугольник красиво обрамлялись короткой светлой чёлкой. Чёлка была такой несерьёзной, что приглашала улыбнуться и поделиться с владельцем самым откровенным. Густой ёжик русых волос подчёркивал упрямоть подбородка.

В нём сливались в один поток столько разных ручейков энергии, интеллекта и эмоционального тепла, что в этот поток хотелось запрыгнуть. В нём хотелось остаться. В нём хотелось жить. И не хотелось ничего вне этого потока.

И я в нём растворилась. Стала ещё одним ручейком. Жизнь казалась неестественно радостной и лёгкой. Я закрыла свой ум и превратилась в губку, впитывающую его мудрость. Я перестала что-либо решать, и с восторгом текла

по руслу **его** решений. Я заполняла душевные прорехи **его** интересами. Я пропускала мир сквозь его глаза, и только потом решалась открыть свои. Я с восторгом потеряла личность, не задумываясь, можно ли вернуть её обратно, если понадобится.

Мой случай был точным торжеством мечты над умом. Мы долго были вместе. Но только позже, заглянув в любимого Лермонтова, я поняла почему.

«Все хотят, чтобы другие были счастливы по их образу мыслей» – верил Лермонтов.

Добавь к этим словам мысль **«Самолюбие, а не сердце, самая слабая часть мужчины...»** – и ответ готов.

Моя преданность так льстила его самолюбию, я с такой бесшабашной радостью была счастлива его образом мысли, я так мало беспокоилась о своём сердце, которое он не боялся уязвить, жадно поглощая мою любовь, – что его всё это просто устраивало.

Кроме того, я была старше. Когда парень из десятого класса крутит роман с девушкой из одиннадцатого, – это предмет зависти и уважения со стороны приятелей.

Был вечер. Я была у него дома. Зазвонил мобильный. Его мобильный. Выслушав звонившего, он сказал: «О кей! Сейчас буду. Вы на какой трибуне?»

Я стала собираться: взяла сумку, накинула на шею шарф и, тронув его за плечо, тая от нежности даже от этого лёгкого касания, спросила: «Куда едем в этот раз?».

– Еду я. У тебя вечер свободен, – безразлично, как будто произнося математическую формулу перед учителем, сказал он. – Кстати, тебе пора продумать, чем ты будешь занимать своё время впредь.

– Не понимаю... Ты о чём?

– О том, что я еду к друзьям. На стадион. О том, что я хочу посмотреть бейсбол с ними, а не с тобой. А потом хочу с ними, а не с тобой, пойти в кафе. Хочу встретить новых симпатичных девчонок. Хочу чувствовать себя свободным от тебя. Я ясно всё изложил?

– Ты шутишь?! Ты меня тестируешь? Мы же любим друг друга. Я думала, что мы поженимся после школы. У меня нет цели в жизни без тебя. Я хочу жить для тебя. Я умею жить только твоими заботами, твоими интересами. Я дышу любовью к тебе...

– Я тебе не обещал ни долгой любви, ни «жилетки», в которую ты будешь всю жизнь плакаться, если что-то идёт не так. Я просто хочу жить весело и интересно. Я хочу развлекаться и отвлекаться.

– Уф! Так это только сегодня? Да развлекайся, отвлекайся, только жизнь дели со мной.

– Ты ничего не поняла. Я хочу разнообразия. Целый год ты мне это разнообразие давала. Мы хорошо развлеклись.

– **Я была развлечением?**

– Конечно! Как бейсбол, как ночные гонки по фривэю, как крутой блокбастер. Что здесь неправильного? Пришло вре-

мя, когда другие развлечения влекут меня больше. Спасибо тебе за то, что нам было весело. Пока. И не вздумай меня «доставать» звонками, письмами и прочей белибердой.

И он ушёл. А я осталась. Во мне зашевелилось тоскливое, тягучее, безликое «Ничто». «Ничто» набрало номер телефона школьного психолога. Через час я лежала в палате коррекционного центра и плакала в потолок. В голове вертелись строчки Цветаевой:

«Стать тем, что никому не мило,
– О! Стать как лёд! —
не зная ни того, что было,
ни что придёт.

Забуть, как сердце расколосось —
И вновь срослось,
Забуть свои слова и голос,
И блеск волос...»

Голос психолога разорвал Цветаевскую мысль.

– Ламентия, почему ты так часто ищешь ответы на вполне американские вопросы у русских авторов? Наши, американские болячки надо лечить американскими методами. И ответы надо искать в американской литературе. Ты понимаешь, что у тебя происходит «наложение» неправильной матрицы на твои проблемы? Так и до раздвоения сознания недале-

KO...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.